

Информационно—аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№21

июнь 2013

Хасан Роухани — Президент
Исламской Республики Иран

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 21
июнь 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Тегеран-2013: Встреча настоящих друзей Сирии <i>Антон Евстратов</i>6	Иранская сенсация может обойтись России очень дорого.....43
Потенциал Постоянной выставки экспортеров России и стран СНГ в Иране.....9	Триумф ходжат-оль-эслама Хасана Роухани.....48
Предвыборная кампания в Иране. Портрет фаворита <i>Владимир Сажин</i>13	С Роухани готовы сотрудничать.....50
США атакуют Иран при помощи санкций. И их отмены <i>Владимир Сажин</i>15	Сирия и Иран: «Красная линия» для Путина <i>Игорь Панкратенко</i>54
Победа в Эль-Кусейре — победа мира <i>Петр Иванченко</i>17	Таджикский эксперт: Рухони хорошо знает Таджикистан.....60
Иран-США: майские хроники необъявленной войны <i>Икрам Нур Шабири</i>19	Радужная перспектива ядерных переговоров с приходом к власти «шейха-дипломата» <i>Насрин Вазири</i>62
Турция против радикализации общества <i>Сергей Никитин</i>25	Иранское эхо на границах России <i>Андрей Николаев</i>64
Можно ли верить предвыборным лозунгам кандидатов?.....31	Шейх дипломатии <i>Игорь Панкратенко</i>68
Иран ответил триумфом демократии на «арабскую весну» <i>Дмитрий Зеленин</i>36	Трудное наследство напряженных отношений с арабскими государствами <i>Мохаммад Фаразманд</i>74
Иранские консерваторы ищут виновного в поражении на президентских выборах <i>Самина Растгари</i>38	Каспийский альянс <i>Алексей Балиев</i>76
Изысканный интеллект для нового Ирана <i>Шамиль Султанов</i>40	Иран — важнейший фактор будущего Афганистана <i>Антон Евстратов</i>78
	США наказали Турцию беспорядками за дружбу с Ираном <i>Динара Джалилова</i>84
	Иранская карта России.....89

Краткое содержание

Исламская республика вновь удивила мир. Лидирующее место на выборах представителя реформаторского крыла иранской политической элиты Хасана Рухани, невысокие показатели представителей консерваторов, высокая явка избирателей (хотя и в лучших традициях иранской ментальности — с опозданием).

Голосованию на одиннадцатых президентских выборах в Исламской республике предстоит войти в историю как самому продолжительному, поскольку время этого голосования продлевалось несколько раз. Высокая явка избирателей — достаточно убедительный ответ критикам, говорившим, что «подбор допущенных к президентской гонке участников был таким, что исход голосования ничего не изменит», что сами выборы безразличны большинству иранцев. Иранцы, как оказалось, думали иначе.

Итак, подводя итоги выборов, следует признать несколько очевидных вещей:

Во-первых, иранское общество консолидировано вокруг своего руководства гораздо больше, чем это представлялось Западу. Кредит доверия власти, несмотря на достаточно непростую экономическую ситуацию, достаточно высок.

Во-вторых, ни одна из двух основных соперничающих политических элит не получит по итогам выборов явного преимущества. Внутриполитический баланс, сохранение которого является стратегической задачей Верховного лидера, вновь достигнут.

В-третьих, по итогам выборов антиамериканская и антизападная риторика нового иранского президента Хасана Рухани хотя и будут смягчены, но это отнюдь не означает, что Исламская республика пойдет на односторонние уступки. Разумный компромисс, взаимовыгодные решения — разумеется, но только на условиях взаимности и равноправия.

Разумеется, что тема выборов стала основной и на страницах очередного, двадцать первого уже, выпуска журнала «Современный Иран».

В статье «Иран ответил триумфом демократии на «арабскую весну» в частности говорится: «Иранцы рассчитывают, что новый президент выступит инициатором политики «инфитаха» — либерализации, как в экономической, так и во внутриполитической сфере. В своей предвыборной программе Рухани обещал, что после избрания разработает «Хартию гражданских свобод» и выпустит из тюрем политических узников, в том числе, вождей и активистов «зеленой волны», пытавшихся четыре года назад путем уличной конфронтации оспорить результаты президентских выборов, на которых победил Махмуд Ахмадинежад».

Исправить «испорченные за прошедшие восемь лет отношения Тегерана с остальным миром» победивший на выборах кандидат от лагеря умеренных и реформаторских сил намерен, «вернув этику в политику». Роухани позиционирует себя как последовательный сторонник диалога, готовый на

компромиссы с Западом во имя снятия с Ирана экономических санкций, но при соблюдении «национальных интересов».

Материал «*Можно ли верить предвыборным лозунгам кандидатов?*» знакомит читателей с основными положениями предвыборных программ участников президентской гонки.

Статья Владимира Сажина «*Портрет фаворита*» рассказывает об одном из кандидатов, Мохаммаде Багере Калибафе. Его кредо: «Я не верю в популизм и одурачивание народа — мой подход всегда был логическим, научным и системным». Политические взгляды его довольно эклектичны. В них сочетается исламский консерватизм с необходимостью реформ. Он — государственный, сторонник жесткой защиты устоев исламской республики. И в то же время современный менеджер-бизнесмен, который ездит на работу на мотоцикле и часто садится за штурвал самолета, чтобы поддержать форму.

О реакции консервативного лагеря на итоги президентских выборов рассказывает Самина Растгари в материале «*Иранские консерваторы ищут виновного в поражении на президентских выборах*»: «Консервативные газеты и новостные агентства уже были готовы праздновать победу, когда 16 июня объявили, что окончательную победу на выборах одержал реформатор Хасан Роухани. Вслед за этим все они стали анализировать причины поражения консерваторов. Одни взялись обвинять Джалили, другие — Галибафа, третьи — Велаяти, однако все они стараются подчеркнуть несхожесть действий Ахмадинежада с политикой консерваторов и обвиняют его одного в победе реформаторов».

Впрочем, при всем драматизме и державшейся до конца интриге, одиннадцатые выборы президента Исламской республики уже стали историей, причем — не самой худшей ее страницей. Новый президент Ирана, Хасан Рухани, стал той фигурой, действия которой эксперты рассматривают с самых различных позиций, пытаясь спрогнозировать поведение нового иранского президента на международной арене. В статье «*Изысканный интеллект для нового Ирана*» Шамиль Султанов отмечает, что за Рухани голосовали представители самых различных слоев населения — от прозападных молодежных групп до беднейшего населения сельских провинций и ультраконсервативного духовенства. Так что, новый президент стал как бы символом нового объединения иранского социума. Хасан Рухани слывет изысканным и высокопрофессиональным интеллектуалом. Он написал значительное количество книг и статей, посвященных проблемам национальной и глобальной безопасности, внешней и внутренней политики ИРИ, ядерной программе страны, вопросам шиитского богословия. У него три ученые степени по юриспруденции, в том числе он защитил докторскую диссертацию в Шотландии. Рухани возглавляет очень влиятельный Центр стратегических исследований и является редактором трех серьезных ежеквартальных журналов, посвященных научным и стратегическим исследованиям, а также вопросам внешней политики. Он свободно говорит на английском, немецком, русском, арабском, французском языках. Имеет вкус и потенциал к действительно стратегическому мышлению.

По своим психологическим качествам Хасан Рухани очень закрытый политик, но в то же время идеологически ориентированный, дисциплинированный и скрупулезный. Хорошо разбирается в людях, может устанавливать

эффективные коммуникационные связи даже с противниками. Обладает ярко выраженными организаторскими способностями и незаурядной политической волей. Способен формировать многослойные политические коалиции.

Что касается России, то развитие и углубление отношений с Москвой, скорее всего, станут одним из приоритетных направлений внешней политики нового иранского президента, считает Раджаб Сафаров. «Рухани — прагматик, и поэтому при нем отношения с Россией как минимум не ухудшатся. А скорее всего, следует ожидать проявления интереса со стороны Ирана эти отношения активизировать. Подход здесь прагматический: Россия важна для Ирана в качестве серьезного игрока по решению проблем Каспия, а также для как можно быстрого входа в Шанхайскую организацию сотрудничества. Я лично общался с Рухани. Он хорошо относится к России», — отметил эксперт.

Для объективного наблюдателя давно уже стало ясно, что «Сирия и Иран — «красная линия» для России», собственно, так и озаглавлена статья Игоря Панкратенко, в которой автор отмечает: «Беспрецедентное давление, которое западные «коллеги» Путина оказывают на него в ходе встречи «Большой восьмерки», убедительно доказывает, что при всем многообразии внешних проблем и угроз извне, «сирийский узел» и иранская ядерная программа являются своеобразной «красной линией» для внешней политики России. Главным вопросом, решение которого определит положение нашей страны в мировом сообществе на много лет вперед. Именно в этих двух вопросах решается сейчас главное — проявит ли себя Россия как самостоятельный игрок на международной арене, способный отстаивать собственные интересы или же вновь уступит стратегические позиции в обмен на моральное одобрение Запада. Именно моральное, потому как более ничего и не предлагается. Готовы ли российские элиты к этому вызову? Осознают ли они, что западные «партнеры» откровенно лгут и в любой момент готовы отказаться от взятых на себя обязательств?»

Другой важный вопрос, который стоит перед иранским руководством — продолжение переговоров с Западом по ядерной программе. В своей статье *«Радужная перспектива ядерных переговоров с приходом к власти «шейха-дипломата»*, Насрин Вазири пишет, что «после выбора Хасана Роухани президентом Ирана не прошло и недели, как начал таять лед дипломатических отношений этой страны с внешним миром. Уже само по себе это позволяет надеяться на радужные перспективы следующего раунда переговоров по ядерной проблеме». Очевидно, иностранные участники переговоров условились продолжить обсуждение проблемы уже с новым правительством Ирана, которое должен возглавить бывший представитель Тегерана на ядерных переговорах. При этом кажется сомнительным, что главным переговорщиком с иранской стороны останется все тот же генеральный секретарь Высшего совета национальной безопасности Саид Джалили, также баллотировавшийся на выборах президента. Такой вывод позволяет сделать то, что еще на предвыборных теледебатах оба политика продемонстрировали свои разные позиции по ядерной проблеме. В целом, прошлые и нынешние иранские руководители переговорного процесса жестко критикуют друг друга. Одни обвиняются в реакционности, другие в том, что так и не смогли достичь никакого результата.

Разумеется, не остался обойденным вниманием авторов нашего журнала и такой острый вопрос, как отношения Исламской республики с ее ближайшими соседями. В статье «Трудное наследство напряженных отношений с арабскими государствами» Мохаммад Фаразманд отмечает, что новый президент Ирана Хасан Рухани хорошо знаком в арабских странах, особенно тех, которые граничат с Ираном. Как он сам сказал на своей первой пресс-конференции, имен- но благодаря его усилиям в 1998 году было подписано соглашение о безопасности между Ираном и Саудовской Аравией. Роухани также пользуется поддержкой бывших президентов Исламской Республики Али Акбара Хахеми-Рафсанджани и Мохаммада Хатами, которые по-прежнему у арабов на высоком счету. Главы арабских государств были одними из первых, кто поздравил Роухани с победой на выборах и пожелал ему успехов.

Все это можно считать проблесками надежды на изменение отношений Исламской республики с арабскими странами. Их нынешнее состояние совсем не то, что было до президентства Ахмадинежада. Он пришел к власти тогда, когда Иран спустя 16 лет политической разрядки смог наладить свои отношения с соседними арабскими государствами и преодолеть негативные последствия навязанной войны с Ираком. В 2005 году, то есть к концу правления предшественника Ахмадинежада президента Хатами, отношения Ирана со всеми арабскими странами, кроме Египта, достигли наивысшего уровня. Роль Ирана возросла не только на официальном правительственном уровне, к нему стало лучше относиться и само общество арабских стран. Автор уверен, что избрание Рухани продолжит развитие дружеских отношений Ирана со своими ближайшими соседями.

Конечно, содержание номера не исчерпывается материалами, упомянутыми в этом кратком обзоре. Поэтому — предлагаем просто прочесть нашим уважаемым читателям весь журнал.

Антон Евстратов

Тегеран-2013: Встреча настоящих друзей Сирии

Термин «друзья Сирии» еще совсем недавно носил негативный для сторонников законности, порядка и мира в этой страны окраску. Это неудивительно, так как конференции под таким названием организовывались США в разных странах мира (в последний раз — в Турции) и собирали представителей отнюдь не дружественных к арабской республике государств. Именно «Друзья Сирии» договаривались о содействии повстанцам, поднявшим вооруженный мятеж против президента Башара Асада, согласовывали планы поставок им вооружений и меры их дипломатической поддержки. Однако 29 апреля в Тегеране состоялось мероприятие, разрушившее стереотипы в отношении «друзей Сирии». Иранской стороне удалось собрать представителей десятков арабских, африканских и латиноамериканских государств, а также России и Китая, являющихся сторонниками мирного урегулирования в Сирии и политического решения конфликта на ее территории и противниками вмешательства во внутренние дела Дамаска.

Инициативы конференции

Солидным оказалось и международное представительство на тегеранской конференции — ее посетили официальные лица 40 государств мира. Послания ее участникам направили генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и глава Организации Исламская Конференция Экмеледдин Ихсаноглу. Отметим, что на последней встрече «друзей Сирии» в Стамбуле, прошедшей 20 апреля, присутствовали представители только 11 стран. Оказывается, друзей у Сирийской республике значительно больше, чем полагают в Вашингтоне, Брюсселе, Турции или Дохе.

Отличалась в этот раз и работа конференции друзей Сирии, а также основные ее итоги. Ее участники не только выразили несогласие с попытками решить сирийский вопрос путем вмешательства извне, осудили поддержку странами Запада оппозиционных Башару Асаду группировок и недавнее снятие эмбарго на поставки им оружия, а также визит в расположение мятежников американского сенатора Джона Маккейна, не только отметили пагубность таких действий для всего ближневосточного региона. Друзья Сирии в Тегеране выступили с целым рядом конструктивных предложений, принятие которых может стать вехой в решении сирийского конфликта и умиротворения всего Ближнего Востока.

Так, они высоко оценили значение запланированной в ходе встречи руководителей министерств иностранных дел России и США Сергея Лаврова и Джона

Керри международной конференции в Женеве и призвали к участию в ней максимально возможного числа сторон. Стоит отметить, что, несмотря на противодействие выступающих против Башара Асада оппозиционных групп и поддерживающих их стран Запада, готовность послать своих представителей в Женеву выразили Сирия и Иран. Кроме того, министром иностранных дел Исламской Республики Али Акбаром Салехи была высказана идея создания рабочей группы по урегулированию сирийского конфликта.

Участники конференции в Тегеране выразили поддержку миротворческим усилиям ООН и посланника данной организации в Сирии Аль-Ахдара Аль-Ибрахими в попытках «запустить» в стране процесс мирного урегулирования. Вместе с тем, они отметили необходимость расширения международных усилий в помощи сирийскому народу — в частности, в гуманитарной сфере. Для этого на конференции друзей Сирии было предложено активизировать деятельность гуманитарных организаций, помощь Сирийскому Обществу Красного Полумесяца. Кроме того, делегаты указали на необходимость отмены санкций в отношении Сирии.

«Хорошо забытое старое?»

Стоит отметить, что все указанные вопросы, не считая, пожалуй, частных моментов, проговаривались представителями стран, поддерживающих мирное решение сирийского кризиса, уже не раз. Не зря министр иностранных дел ИРИ господин Салехи отметил, что девиз состоявшейся в Тегеране встречи «Политический путь решения — Региональная стабильность» изначально отражал позицию Исламской Республики в отношении сирийского кризиса.

Как на уровне СМИ, так и на уровне официальных лиц едва ли не с первых дней начала форсированной помощи стран Запада сирийской оппозиции, эта помощь встречала непонимание и осуждение. Данную позицию неоднократно высказывали представители МИД Ирана, России и других государств. К примеру, последнюю меру Евросоюза по отмене ранее введенных санкций на поставку сирийским оппозиционерам оружия дружно осудили Москва, Тегеран и Пекин. Не меньшее непонимание, как представляется, у адекватной части мирового сообщества должно встречать и незаконное проникновение на территорию суверенного государства иностранного гражданина, да еще и официального лица, которое публично встречалось с представителями вооруженных мятежников. Между тем, именно это сделал сенатор Маккейн. Что касается мер по урегулированию сирийского конфликта, то тезисы, проговоренные в Тегеране, также неоднократно озвучивались иранским и российским внешнеполитическими ведомствами. Еще в 2012 году в Женеве иранскими дипломатами был предложен план поэтапного урегулирования в Сирии, который был отвергнут оппозиционерами.

Значение тегеранской конференции

Что же дала конференция Друзей Сирии, организованная иранской стороной? Прежде всего, можно с уверенностью отметить демонстрационный и психологический моменты. Если для поддержки мирного процесса в Тегеран съехались представители 40 государств мира, включая министров иностранных дел Алжира, Ирака и Ирана, официальный Дамаск должен понимать, что он в этом стремлении не одинок. Реакция Сирии не заставила себя ждать — еще не закончилась конференция, а посол арабской республики в Тегеране Аднан Махмуд назвал

ее «большим шагом к урегулированию кризиса и инициации всеобъемлющих переговоров».

После встречи Друзей Сирии в Иране стала по-настоящему необходима твердая, четкая и ясная позиция России. И уже спустя несколько дней после тегеранского мероприятия, Москва проявила твердость — 1 июня она заблокировала очередную декларацию ООН, связанную с боевыми действиями в городе Кусейр. Это может свидетельствовать о том, что Россия окончательно определилась — защищать Сирию она будет. Демарш Москвы можно воспринимать и как ответ на отмену санкций на поставку оружия, и как следствие прошедшей в Тегеране конференции.

Важен также факт поддержки делегатами новой встречи по Сирии в Женеве, о которой договорились главы МИД РФ и США. Ожидается, что в Швейцарии удастся усадить за стол переговоров представителей сирийской власти и оппозиции, чего, фактически, добиваются ИРИ, Россия и Китай. Однако принципиальным вопросом в этой связи выглядит участие Ирана в женевской конференции. Несмотря на желание РФ видеть Иран в числе участников данного мероприятия, против присутствия иранских дипломатов выступают сирийские оппозиционеры, обвиняющие Тегеран в содействии режиму Башара Асада, а также ряд европейских государств, в частности, Франция. Принципиальными противниками участия Тегерана в любых попытках сирийского урегулирования являются монархии Персидского залива, фактически, проигрывающие дело расширения своего влияния на Дамаск. Между тем в этот проект были вложены огромные средства, и от дивидендов Катар и Саудовская Аравия отказываться не намерены. Любое усиление позиций Ирана на международной арене и, как следствие, Башара Асада внутри Сирии, воспринимается этими государствами как очередной удар.

Отдельно необходимо сказать о Турции, которая, не делая в адрес ИРИ воинственных заявлений, активно противостоят ей в Сирии. Уже упомянутая апрельская конференция «Друзей Сирии» прошла именно в Стамбуле, а оружие и другие поставки оппозиционерам, а также подкрепления идут именно через турецкую границу. Представляется, что тегеранское мероприятие, равно как и участие Ирана в женевской встрече «не понравится» и туркам. Однако... Внутриполитическое положение правительства Эрдогана в последние дни всерьез пошатнулось, что, возможно, выбивает его из серьезной международной игры, минимум, на некоторое время. Между тем, не включить государство, инициировавшее одно из самых серьезных за последнее время мероприятий по мирному урегулированию в Сирии в состав участников, — будет означать для организаторов Женевской встречи полное игнорирование международной обстановки и раскладов внешнеполитических сил.

Что касается самого Ирана, то он уже выразил готовность участвовать в Женевской конференции в случае, если получит официальное приглашение на данный форум. Время проведения встречи в Женеве не определено, однако ожидается, что она пройдет в середине июня. Есть основания полагать, что именно там будут даны ответы на вопросы и проблемы, обозначенные и декларированные на конференции друзей Сирии. Учитывая указанные выше факторы, позицию России и широкую поддержку мирного процесса в Сирии мировым сообществом, можно надеяться, что итоги Женевской конференции будут всерьез отличаться от результатов предыдущих подобных мероприятий. Именно по итогам мероприятия в Женеве можно будет оценить значение встречи Друзей Сирии в Тегеране.

Потенциал Постоянной выставки экспортеров России и стран СНГ в Иране

Постоянная выставка экспортеров России и стран СНГ начала работу 5 октября 2012 года в Тегеране, в виде большого коллективного стенда. Она оказалась востребованной. В настоящее время выставка переезжает в специально арендованный большой выставочный зал на бульваре Мирдамад.

Эта выставка поддерживается Обществом дружбы и сотрудничества РФ-ИРИ, российскими ТПП, Министерством экономического развития РФ, торговым представительством РФ в Иране, Министерством регионального развития РФ, МИД РФ, Деловым Клубом ДС ШОС (г. Москва) и другими российскими организациями.

С иранской стороны выставка поддерживается Министерством развития экономики, Министерством нефти и газа, Министерством нефтехимии, Министерством коммерции и рудников, ТПП Ирана, посольством Ирана в РФ.

В феврале-апреле прошло два плодотворных и насыщенных заседания Межправительственной комиссии Иран-Россия, было подписано много документов о расширении сотрудничества. За февраль-апрель 2013 года Иран посетило большое количество высокопоставленных представителей российской представителей власти — все это означает новый этап в российско-иранских отношениях.

С октября 2012 по апрель 2013 года российская сторона участвовала в Тегеране на 16 отраслевых иранских выставках таких, как — Электрошоу, Горнодобывающее оборудование, Полимеры, Металлургия, Изоляция, Краски, Водоочистка и др. в виде небольших коллективных стендов.

На тегеранской выставке «Передовые российские технологии», состоявшейся 25–27 февраля 2013 года, нами был организован большой коллективный стенд. На стенде успешно работали более 10 россиян, представлявших 20 российских фирм. Все они хотят продолжать участвовать в больших отраслевых выставках в Тегеране через Постоянную выставку. Успешной работе на стенде способствовала активная работа по привлечению заинтересованных и посетителей через Постоянную выставку.

18–21 апреля был организован большой коллективный стенд на главной иранской выставке IRAN OIL, GAS, Petrochemical 2013 (Нефть, газ, неф-

техимия). На нем была представлена продукция около 30 предприятий по профилю выставки, присутствовали посланцы более 10 российских фирм. Все выставочные контакты продолжают интенсивно отрабатываться через механизм Постоянной выставки.

Цветной и информативный Каталог Постоянной выставки издается ежемесячно в обновленном виде многотысячным тиражом. Каталог распространяется на отраслевых выставках, в крупных бизнес-центрах, в министерствах и высылается по почтовой рассылке на крупные частные организации.

Выставка работает в заочно-очном режиме. Продукцию, каталоги посетителям демонстрируют специально подготовленные гиды-переводчики. Для апробирования новых перспективных для экспорта видов товаров или новых направлений деятельности часть плакатов и рекламных материалов

При выставке организован Бизнес-центр, оборудованный современной оргтехникой, где можно будет провести переговоры по скайпу и дать оперативные задания менеджерам-переводчикам

можно периодически менять на стенде. При интересе со стороны иранского заказчика к Вашей продукции гиды-переводчики сразу же предложат продолжить общение с российскими поставщиками по скайпу или по телефону с помощью менеджеров-переводчиков.

Выставка не ограничивается выставлением буклетов и образцов продукции наших экспонентов — организуется и прямой маркетинг. Это рассылка каталога выставки по иранским фирмам, реклама в отраслевых журналах, телемаркетинг, обзвоны иранских фирм по выделенным отраслям, работа с ассоциациями иранских предприятий, личные встречи с представителями министерств и пр. В этом процессе мы активно пользуемся поддержкой Российского Торгпредства в Тегеране и иранского посольства в Москве.

Возможна также организация интенсивного маркетинга для предприятия по индивидуальной программе. Мы сможем организовать деловые встречи формата B2B с представителями министерств и крупных профильных фирм.

При выставке организован Бизнес-центр, оборудованный современной оргтехникой, где можно будет провести переговоры по скайпу и дать оперативные задания менеджерам-переводчикам. Бизнес-центр сможет оперативно помочь в логистике, сертификации, маркетингу, налоговым и юридическим вопросам, по финансовым платежам, инвестициям и другому консалтингу.

Через Бизнес-центр и туристические фирмы можно заказать оформление иранских виз, виз для поездок в ОАЭ, Оман, Ирак, Афганистан, а также авиабилеты, трансферт, страхование, бронирование и оплату гостиниц, конвертацию риалов и пр.

В выставке участвуют российские банки, которые смогут оперативно решить вопросы с финансовыми платежами и транзакциями. Финансовые платежи пока самая трудная часть в процессе товарооборота между Россией и Ираном.

По вопросам финансовых платежей на Иран и из Ирана вы можете уже сейчас обратиться в российский Консультационный центр финансовых рас-

четов, многие фирмы уже воспользовались этими услугами Консультационного центра.

Решение об участии в Постоянной выставке на конец мая приняло более 60 фирм, летом ко времени открытия большого зала количество участников обещает превысить 70. В последнее время стал заметен приток на Постоянную выставку российских фирм, давно работающих в Иране, но по ряду причин еще не открывших прямого российского офиса в Тегеране.

Для начала или интенсификации работы в Иране Постоянная выставка — это идеальный малобюджетный вариант входа на местный рынок. Здесь можно взять стандартный стенд в 6 м² за 38000 рублей на целый месяц, или — часть его на коллективном отраслевом стенде.

Особый интерес со стороны Ирана вызывают российская продукция и технологии следующих отраслей народного хозяйства:

- оборудование для добычи нефти и газа, технологии увеличения дебета скважин, геологоразведка, трубопроводы и другой транспорт;
- нефтепереработка, крупные и мини-НПЗ, оборудование подготовки нефти и газа для транспортировки;
- химические продукты, инженерные полимеры, удобрения. Сжиженные газы. Катализаторы, Технологии производства . Химоборудование.
- металлоизделия, металлопрокат. Квадратная заготовка. Алюминий;
- машиностроительное оборудование. Сварочное оборудование. Электроды. Технологии обработки металлов;
- оборудование для горнодобычи и обогащения руд. Оборудование обработки камня;
- антрацит. Кокс металлургический;
- энергетическое оборудование, компрессоры, турбины, трансформаторы, кабельная продукция, системы управления и др.
- автомобилестроение, сельхозтехника, спецтехника, судостроение, авиастроение. Технологии производства и комплектующие;
- оборудование связи. Телекоммуникации и радиосвязь. Системы навигации. Охранные системы;
- IT-технологии, Компьютеры специализированные. Прикладная электроника. Технологии использования;
- оборудование для медицины. Фармакология. Готовые лекарства. Медицинское оборудование. Медицинские исследования;
- оборудование для научных исследований. Передовые разработки для прикладного использования;
- приборостроение. Лазеры и оптические технологии;

Решение об участии в Постоянной выставке на конец мая приняло более 60 фирм, летом ко времени открытия большого зала количество участников обещает превысить 70

- инновационные материалы. Нанотехнологии. Инновационные технологии;
- пищевое и сельскохозяйственное оборудование;
- инвестиции. Банки. Логистика. Страхование. Консалтинг;
- рекламные услуги, маркетинговые технологии, услуги B2B;
- поставки через российские фирмы оборудования европейских, японских и других фирм. Реэкспорт;
- пиломатериалы, мебель и другие изделия из дерева;
- шоколадные и кондитерские изделия, сахар;
- пшеница, ячмень, масло растительное, шрот соевый, соя, продукция животноводства и другая аграрная продукция.

В Иране ежегодно строится множество заводов и, несмотря на долгое эмбарго, экономика устойчиво растет

Во всем этом нуждается экономика Ирана.

В Иране ежегодно строится множество заводов и, несмотря на долгое эмбарго, экономика устойчиво растет.

Быстрорастущий рынок Ирана практически свободен для продвижения российских товаров и услуг из-за отсутствия конкуренции со стороны американских, европейских, японских, а теперь уже и восточноазиатских фирм.

В этих условиях для России и стран Таможенного Союза возникает шанс занять более достойное место на очень емком, перспективном и освобождающемся рынке Ирана.

Россия вступила в ВТО и становится актуальной поддержка российской несырьевой промышленности — если не через пошлины, то через существенную помощь при экспорте. Для развития и поддержки несырьевого экспорта в России была принята Президентская дорожная карта. Министерство экономического развития РФ очень активно продвигает ее в жизнь, субсидируя затраты регионов на продвижение товара, оказывая организационную помощь в конкретных странах. В Иране работает большое российское торговое представительство при Минэкономразвитии РФ, которое активно помогает в практической работе по продвижению продукции малого и среднего бизнеса.

Владимир Сажин

Предвыборная кампания в Иране. Портрет фаворита

14 июня гражданам Исламской республики Иран предстоит выбрать нового президента страны. Кто лидирует в предвыборной гонке?

Большинство российских и иранских экспертов сходятся во мнении, что наибольшие шансы стать хозяином президентского кабинета — у секретаря Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) и главного «ядерного переговорщика» Саида Джаилили, а также у мэра Тегерана Мохаммада Багера Галибафа.

По последним социологическим опросам вперед вырвался г-н Галибаф с 24 процентами сторонников. Более того, Галибаф побеждает в «парных соревнованиях». Так, в случае противостояния Галибафа против Джаилили за первого готовы отдать 56% опрошенных, за Джаилили — только 27,5%. В паре Галибаф — Велаяти мэр столицы также побеждает с результатом в 47% против 28%. В битве Галибаф против Ходдада Аделя результат уже 55 % против 18% в пользу Галибафа. По результатам опросов аналогичная картина побед мэра Тегерана предстает и в его соревнованиях с другими кандидатами в президенты.

Более того, 120 депутатов меджлиса (из 290) уже выступили с общим заявлением в поддержку Галибафа.

Кто же он, этот безусловный на нынешний день фаворит? Мохаммад Багер Галибаф родился в 1961 в Мешхеде, в семье курда и персиянки. С 19 лет в рядах КСИР воевал на фронтах ирано-иракской войны, в том числе в качестве летчика. В 1999 г. был назначен руководителем полиции ИРИ. В 2005 г. участвовал в президентских выборах, но проиграл. Однако в тот же год был избран мэром Тегерана. На этом посту Галибаф завоевал доверие тегеранцев, сделав много полезного для города.

Его кредо: «Я не верю в популизм и одурачивание народа — мой подход всегда был логическим, научным и системным». Политические взгляды его довольно эклектичны. В них сочетается исламский консерватизм с необходимостью реформ. Он — государственник, сторонник жесткой защиты устоев исламской республики. И в то же время современный менеджер-бизнесмен, который ездит на работу на мотоцикле и часто садится за штурвал самолета, чтобы поддержать форму.

В своих выступлениях он подвергает резкой критике политику президента Ахмадинежада, приведшую к возникновению многих проблем Ирана. По

мнению Галибафа, в итоге иранская экономика нуждается в глубоком реформировании. Он также уверен, что все проблемы, стоящие перед Ираном на международной арене, свидетельствуют также и о неразумной внешней политике нынешнего президента. Это касается и ядерной проблемы ИРИ, и связанных с ней действий, приведших к международным санкциям, и провокационных заявлений Ахмадинежада, в которых тот категорически отрицает Холокост.

Кандидат в президенты заявил, что в случае, если он займет пост главы исполнительной власти, он сдвинет с мертвой точки переговоры по ядерной проблеме. В этой связи он также отметил, что при необходимости Иран вполне может вступить в переговоры с США, так как «переговоры с Америкой никогда не были красной линией для ИРИ».

В рамках избирательной кампании Галибаф пытается объединить сразу два образа: эффективный современный бизнесмен и жесткий силовик.

Действительно, по опыту прошлых президентских выборов в Иране, можно сказать, что окончательные результаты редко совпадают с прогнозами

Этот имидж, по мнению сторонников столичного мэра, позволит ему заручиться поддержкой как продвинутой молодежи, так и консерваторов с силовиками.

Казалось бы, именно Галибаф — самый реальный претендент на победу. Но будет ли этого запаса достаточно в день выборов? Вот мнение специалиста по Ирану Елены Дунаевой:

«История Ирана показывает много удивительных примеров. И вполне возможно, что, если выборы перейдут во второй тур, то судьба может и не улыбнуться этому активному деятелю, — считает специалист по Ирану Елена Дунаева. — Сейчас много пишут и говорят в Иране о том, что

Галибаф слишком независим, и ставят под сомнение его стопроцентную верность идеалам исламской революции и лично духовному лидеру. Нет никаких явных признаков, которые могут подтвердить подобные утверждения. Но не исключено, что такие сомнения могут повернуть часть избирателей от Галибафа в сторону другого кандидата».

Действительно, по опыту прошлых президентских выборов в Иране, можно сказать, что окончательные результаты редко совпадают с прогнозами. А еще следует учитывать и тот факт, что по мнению и иранских и иностранных аналитиков, вовсе не Галибаф, а его основной конкурент Саид Джалили пользуется наибольшей поддержкой верховного лидера. Поэтому предсказывать результаты голосования сейчас — занятие неблагодарное.

Владимир Сажин

США атакуют Иран при помощи санкций. И их отмены

В преддверии президентских выборов в Иране США провели массированную «атаку» на эту страну. Вводятся все новые и новые финансово-экономические санкции против Тегерана.

Весь комплекс новых санкционных мер можно разделить на несколько сфер. Во-первых, это мероприятия против контролируемой Ираном международной финансовой сети, состоящей из 37 частных инвестиционных, торговых, страховых компаний, а также банка Amin Investment. Эти компании функционировали в различных секторах иранской и мировой экономики и ежегодно приносили иранским властям миллиарды долларов. Как считают в Вашингтоне, эти фирмы помогают Ирану обходить уже наложенные на страну международные санкции. В список попали компании, зарегистрированные как в самом Иране, так и по всему миру.

Во-вторых, санкции против автомобильной промышленности Ирана (кстати, одной из самых развитых в стране отраслей). Введенные меры предусматривают запрет на «продажи или поставки товаров и услуг, связанных с производством или сборкой в Иране легковых автомобилей, грузовиков, автобусов и мотоциклов, а также запчастей к ним».

В-третьих, удар нанесен и по иранской валюте — риалу. Речь идет о «введении санкций против иностранных финансовых структур, которые сознательно осуществляют или содействуют крупным сделкам по продаже или приобретению риала, а также держат за пределами ИРИ крупные счета в этой валюте». Правда, не уточняется, какие суммы попадают под действие указа президента США.

Этот документ, в частности, предусматривает запрет на «материальную поддержку иранских представителей, которые включены в черный список», а также «запрет на открытие или введение ограничений на содержание корреспондентских счетов, находящихся под юрисдикцией США» и принадлежащих финансовым структурам, которые осуществляют сделки с риалом. Также речь идет о блокировании принадлежащей им собственности на территории Соединенных Штатов. Кстати, сделки, осуществляемые с иранской национальной валютой, попали под режим санкций впервые.

В-четвертых, это карательные меры против восьми нефтехимических компаний Ирана, а также ряда иностранных фирм, которые, как объявлено,

помогали иранским нефтяным компаниям обойти принятые ранее против них санкции.

Пока не ясно, как эти меры отразятся на судьбе иранской автотромышленности. Но то, что удар, нанесенный по нефтяной промышленности ИРИ будет чувствительным, сомнений не вызывает. Между тем, согласно ряду оценок, и без того в мае этого года добыча нефти снизилась до уровня 2,5–2,6 миллионов баррелей в день. Это самый низкий показатель по объемам добычи нефти в Иране с 1989 года. Санкции США и Евросоюза, которые поддержали многие страны, резко сократили экспортные возможности Ирана.

Так, совокупный объем импорта иранской нефти со стороны Китая, Индии, Японии, Южной Кореи, Турции и еще нескольких стран Азиатского региона в апреле составил 750 тысяч баррелей в день против мартовского показателя в 1,1 миллион баррелей в день. Наиболее масштабное сокращение закупок за этот период было отмечено со стороны Японии (на 97%) и Индии (на 57%). Причем поставки нефти в Индию упали до самого низкого уровня за всю историю ирано-индийских торговых отношений. В годовом исчислении Иран уже потерял около 50 миллиардов долларов.

Конечно, этот новый залп санкционных мер преследует как тактические цели (имеются в виду выборы), так и стратегические — принудить Иран к выполнению резолюций Совбеза ООН и МАГАТЭ. Что касается президентских выборов, то, по всей вероятности, это послание и электорату, и властям, что наилучшим для Ирана главой исполнительной власти будет тот, кто пойдет на компромиссы с международным сообществом по ядерной проблеме. Иначе Ирану не избежать серьезных экономических и, вполне вероятно, социальных потрясений.

На фоне резкого ужесточения санкционных мер вроде бы диссонансом выглядит решение Белого дома отменить запрет на продажу в Иран мобильных телефонов, компьютеров, программного обеспечения и технологий связи. Эту меру в Вашингтоне расценивают как «шаг навстречу иранскому обществу», в особенности молодежи. Но это, конечно, не благотворительность и даже не забота об иранской молодежи.

Вот мнение экономиста-международника, заведующего сектором Ирана Института востоковедения РАН Нины Мамедовой:

«Это решение Соединенных Штатов не в последнюю очередь связано с предстоящими выборами. Общеизвестно, что в развертывании оппозиционного «Зеленого движения» после выборов 2009 года большую роль сыграли социальные сети Интернета. Вполне вероятно, что США и страны Европы не исключают того, что и эти выборы в Иране могут вызвать шквал демонстраций несогласных с результатами выборов. А для этого, конечно, нужны поставки в Иран такой техники, которая могла бы обеспечить развитие и использование этих социальных сетей. Цели понятны».

То есть в том, что США ужесточают одни санкции против Ирана и одновременно смягчают другие, на самом деле никакого противоречия нет. Цель остается единой: оказание давления на иранские власти в нынешний напряженный предвыборный период ради возможного смягчения политического курса уже нового президента.

Петр Иванченко

Победа в Эль-Кусейре — победа мира

Единственный на сегодня вариант нападения на Иран, это — через воздушное пространство Сирии, и затем — Ирака. Но сегодня эти мечты Тель-Авива становятся почти недостижимыми, что и вызывает бурную истерику и явную неадекватность руководства еврейского государства. Нынешняя победа Сирийской армии, это шаг к укреплению мира в регионе, это — непреодолимое препятствие для поджигателей большой войны.

Власти Сирии заявили о полном восстановлении контроля над западным городом Эль-Кусейр, который являлся важнейшей базой и оплотом террористов и иностранных наемников, ведущих войну против Сирии.

«Армия Сирийской Арабской Республики полностью контролирует регион Эль-Кусейра в провинции Хомс после того, как было уничтожено и захвачено большое число террористов», — передал телеканал «Аль-Ихбария».

Город находится под полным контролем САА. Боевики бегут, бросая оружие. Несколько сотен убитых боевиков Фронта Аль-Нусра, «остающиеся очаги сопротивления в городе были уничтожены, захвачено в плен большое количество боевиков». Саперы разминируют участки дорог и дома, чтобы открыть путь к возвращению в Эль-Кусейр мирных жителей.

То есть, важнейшее, по мнению экспертов, сражение гражданской войны завершилось полной и сокрушительной победой Сирийской Армии, и ополченцев «Хезболла», участвовавших в битве за Эль-Кусейру.

Итог сражения — большая часть банд мятежников разгромлена и обескровлена, основной канал снабжения террористов уничтожен, контроль над наиболее важным в стратегическом отношении районом страны восстановлен.

О значении этого города говорит то, что нависшая над террористами перспектива катастрофы заставила выйти из тени одного из главных режиссеров разворачивающейся трагедии — Израиль.

Убедившись, что ни США, ни Британия с Францией, ни Турция, не рвутся открыто напасть на Сирию, ради спасения избиваемых мятежников, Тель-Авив, до этого старательно изображавший «нейтральность» открыто выступил на стороне террористов атаковав военные объекты сирийской армии, и организовав «акции устрашения» в небе Ливана. Однако ни Асада, ни «Хезболлу» запугать у Израиля не получилось. Зато он четко обозначил

свою позицию в конфликте — на стороне террористов и исламистов «Аль-Каиды», сражающихся против союза алавитов, шиитов, христиан и умеренных суннитов.

На первый взгляд подобное поведение абсурдно — казалось бы, кому хочется иметь рядом с собой разрушенное государство, раздираемое межрелигиозной войной и ставшее «черной дырой террора», в которое Сирия неизбежно превратится в случае «победы» исламистов и свержения Асада? Но это для нормального государства, заинтересованного в мирных отношениях с соседями. А для Тель-Авива куда важнее иметь вокруг себя государства, развалившиеся на враждующие друг с другом группировки. Все окружающие страны Израиль видит только в качестве врагов. И ему необходима возможность безнаказанно грабить их и наносить по ним удары. В то же самое время, Тель-Авив хотел бы продолжать изображать «осажденную крепость» и «форпост европейской цивилизации», «противостоящий хаосу и варварству». Причем без особого риска. И тут тоже выгоднее иметь дело с разрозненными группировками, чем с сильными государствами, потому что хлопущки типа «Касам» безопаснее «Искандера», или даже «Скада». Урона никакого, зато можно сколько угодно кричать об обстрелах, агрессии и даже «новом холокосте».

Но и это не все. В последние годы для Израиля идея фикс — воздушное нападение на Иран и его ядерные объекты. Но для ее осуществления необходим воздушный коридор, по которому убийцы могут беспрепятственно и безопасно дотянуться до горла жертвы.

И это самая большая проблема. Для режима Саудовской Аравии смерти подобно обвинение в прямом пособничестве Израилю, и он может предоставить коридор только в случае возникновении широкой антииракской коалиции, которой сегодня нет.

Пролет вдоль Красного моря и вдоль Аравийского полуострова можно отнести к крайне сомнительным и даже фантастическим проектам.

Удар из Закавказья, который также рассматривался израильскими стратегами, после разгрома армии Саакашвили в 2008 году, и особенно после избрания Иванишвили, также маловероятен.

Турецкое руководство также не может предоставить Израилю такую возможность, поскольку это станет для него политическим суицидом.

То есть единственный на сегодня вариант нападения на Иран, это — через воздушное пространство Сирии, и затем — Ирака. Но при наличии сильной сирийской армии и вполне эффективного ПВО это невозможно. Более того, сирийские радары могут контролировать всю территорию Израиля, и, соответственно, оповещать обо всем движении с воздушного аэродрома. То есть единственная возможность для атаки на Иран связана с уничтожением сирийской армии и сирийского государства.

Но сегодня эти мечты Тель-Авива становятся почти недостижимыми, что и вызывает бурную истерику и явную неадекватность руководства еврейского государства.

Таким образом, есть все основания утверждать, что нынешняя победа Сирийской армии, это шаг к укреплению мира в регионе, это — непреодолимое препятствие для поджигателей большой войны.

Икрам Нур Шабири

Иран-США: майские хроники необъявленной войны

Еще совсем недавно Белый дом и лично Обама уверяли весь мир в том, что главное для них — это мирный, взвешенный и конструктивный диалог с Тегераном. Еще недавно американская администрация пыталась уверить всех, что единственное препятствие к прямому диалогу — это «неуступчивость» руководства Исламской республики по ряду вопросов. А вот они, администрация США, к диалогу готовы хоть завтра, без предварительных условий, открыто и искренне во благо мира во всем мире и во благо иранского народа, изнывающего, с одной стороны, под гнетом санкций, а с другой — под прессом тоталитарного режима. И вдруг — как прорвало. Практически одновременно последовало ужесточение существующих санкций и введение новых, американская Фемида, оправившись от бостонского нокаута, поставила точку в деле о заговоре против саудовского посла, а на Иран обрушилась новая волна обвинений...

Впрочем, внезапность здесь кажущаяся, и говорить о ней могут лишь те, кто по наивности своей продолжают верить в то, что США стремятся к мирному урегулированию разногласий с Тегераном. Основной тезис критиков принятого несколько дней назад нового пакета санкций — их несвоевременность. Дескать, нужно было, как минимум, дождаться итогов президентских выборов в Иране, прозондировать позицию новой президентской команды, а уж потом — решать, что делать дальше. «Тем более», — продолжают эти критики, — «наметились определенные сдвиги и в позиции Рахбара, который прямо ставит перед иранскими переговорщиками задачу снятия санкций путем достаточно серьезных компромиссных предложений по иранской ядерной программе».

Новый виток калечащих санкций

Наивность этих критиков обусловлена непониманием одной очевидной и фундаментальной вещи. Администрация США не заинтересована в компромиссе по иранскому атому. Нынешней правящей элите в Вашингтоне нужно одно — смена режима в Тегеране. Все шаги США направлены только на это. США и их союзники ведут необъявленную войну против Исламской Республики, и именно ход этой войны определяет логику действий Вашин-

гтона. Ближайшая аналогия с тем, что происходит в американо-иранских отношениях — это та самая, пресловутая «Большая Игра, которая закончится только тогда, когда все умрут». Желательно — чтобы умершие были на иранской стороне.

Столь же очевидно, что режим калечащих санкций — это один из инструментов необъявленной войны. Потому и изменения в нем весьма слабо увязаны и с иранской ядерной программой, и с президентскими выборами в Исламской Республике. Эта слабая связь столь заметна, что о новом пакете западные медиа дают откровенно урезанную информацию. Общественность пытаются уверить, что речь идет только о санкциях в отношении иранской национальной валюты, риала. Согласно новому указу, подписанному Обамой, предусмотрены санкции в отношении иностранных финансовых учреждений, которые сознательно занимаются операциями по покупке и продаже иранской валюты, либо хранят на счетах за рубежом крупные суммы в иранских риалах. Как сообщил один из представителей администрации США, идея заключается в том, чтобы иранскую валюту «фактически невозможно было использовать за пределами Ирана». Все это, по мнению Белого дома, является частью усилий, призванных оказать на правительства Ирана «сильное финансовое давление».

Вскользь, без акцента, упоминаются и то, что новый пакет санкций предусматривает меры против автомобильной промышленности Ирана, уровень производства в которой предыдущими санкционными пакетами удалось обвалить почти на 40%, оставив без работы 126 тысяч иранцев. Разумеется, эти 126 тысяч работников иранского автопрома и члены их семей пострадали во имя «высшей справедливости», ведь по заявлениям того же представителя администрации «так или иначе автомобильная промышленность дает правительству возможность финансировать свои программы, в том числе — свою противоправную ядерную программу».

Но и это не все. Западные медиа откровенно скрывают, что новый пакет санкций гораздо более обширен и затрагивает практически все отрасли, в которых Ирану удалось достичь роста экономических показателей за последние годы:

Санкции в энергетической сфере. На этот раз они направлены на всю деятельность иранских фирм и сотрудничающих с ними иностранных компаний, так или иначе связанных с разведкой, освоением месторождений, добычей природного газа и работам по его сжижению.

Санкции для морского грузооборота, которые затрагивают перевозку грузов судами, ходящими под флагом Исламской Республики Иран. Фактически, будет блокирована деятельность таких государственных компаний как «Иранская национальная компания танкерного флота» и «Судоходные линии Ирана».

Санкции для судостроительной промышленности, накладывающие запрет на мероприятия по строительству и ремонту судов, поставку Ирану турбин и силовых установок для гражданского морского флота, предоставления технической помощи и услуг по обучению персонала, техническому обслуживанию или переоборудованию иранских судов.

Санкции на поставку в Иран цветных металлов, сплавов алюминия, меди, вольфрама, никеля и так далее (всего 87 наименований).

Санкции на любые операции с Ираном, связанные с серебром, золотом и драгоценными камнями.

Санкции на поставку в Иран программного обеспечения.

Санкции в сфере страхования.

Если кто-то и после данного перечня продолжает верить, что США действительно стремятся к диалогу с Ираном, рассчитывают на новый виток переговорного процесса после президентских выборов — то остается только позавидовать чистой и незамутненной вере этих людей в добропорядочность американских намерений.

25 — и Фемида ягодка опять

Ведя хронику необъявленной войны последнего месяца, нужно сказать и еще о двух событиях: вынесенном американской Фемидой приговоре Мансуру Арбабсиару и раскрытой Министерством информации Ирана разведывательно-диверсионной организации. Сначала о деле Мансура Арбабсиара, который стал жертвой необъявленной войны против Ирана в самих США. Напомню, что 14 октября 2011 года Генеральный прокурор США Эрик Холдер обнародовал факты нового и глобального злоумышления против США. Оказывается, сотрудники специального подразделения «Аль-Кодс» Корпуса стражей исламской революции Ирана готовили покушение на посла Саудовской Аравии в США Аделя аль-Джубейра. В заявлении Холдера сообщалось, что один из обвиняемых, натурализованный гражданин США с иранским паспортом Мансур Арбабсиар, был арестован в сентябре 2011 в Нью-Йорке.

Согласно заявлению Холдера, 56-летний Мансур Арбабсиар, натурализовавшийся гражданин США иранского происхождения, торговец подержанными автомобилями (видимо из-за его профессиональной деятельности операция по его изобличению получила название «Шевроле»), нанял для исполнения теракта против саудовского посла профессиональных киллеров из мексиканского наркокартеля «Лос-Зетас». К счастью для Аделя аль-Джубейра, киллеры оказались сотрудниками американских спецслужб, а сам заказ был частью оперативной игры американских спецслужб. Но злоумышленный Арбабсиар послом не ограничился. За полтора миллиона долларов он предлагал «Лос-Зетас» устроить подрыв израильского посольства в Вашингтоне, а также посольств Саудовской Аравии и Израиля в Аргентине. В обмен на это торговец подержанными автомобилями обещал «Лос-Зетас» счастье в виде многотонных грузов опиума с Ближнего Востока в Мексику.

Вся история была шита белыми нитками и абсолютно никакого доверия у экспертов не вызвала: «Если внимательно присмотреться к утверждениям США, то можно увидеть несоответствия, главным из которых является заявленный отход «Аль-Кодс» от привычной и разумной подготовки к операции. Если собрать воедино все разногласия со стороны большинства людей, знакомых с подвигами «Аль-Кодс», то проблема состоит в том, что это подразделение всегда предпринимает тщательные, обдуманные шаги, чтобы гарантировать, что его действия останутся тайными (т. е. их нельзя будет связать с Ираном) и будут успешными. Именно поэтому крайне маловероятно, что заявленный заговор имел какую-либо официальную связь

с этим подразделением».

Абсурдность истории стала окончательно понятной после того, как пресса представила данные о том, кем был на самом деле Арбабсиар. «Судите сами, может ли быть «агентом 007» человек, о котором достоверно известно следующее:

1. Арбабсиар имел у жителей Корпус Кристи (штат Техас) репутацию человека «до смешного рассеянного и забывчивого».
2. Поставленный ему диагноз «рассеянный склероз», возможно, был вызван ножевым ранением, нанесенным ему грабителями в 1982 году.
3. Он постоянно терял свой мобильный телефон.
4. Он постоянно забывал, куда положил свои ключи.
5. Он постоянно забывал свой портфель с документами в самых разных местах, то в закусных, то в магазинах.
6. Его бывший партнер по бизнесу утверждает, что он был «на редкость неорганизованным».
7. Будучи совладельцем бизнеса по продаже подержанных автомобилей, он постоянно умудрялся терять документы на эти автомобили.
8. Будучи вдали от строгих требований шариата и исповедуемого им шизма, он пристрастился к алкоголю до такой степени, что среди приятелей имел прозвище «Джек», в честь самого любимого им напитка — виски «Jack Daniels».
9. Арбабсиар не только любил выпить, но и был падок до проституток. Напившись, он устраивал им скандалы, за что его неоднократно выбрасывали из увеселительных заведений.
10. Все создаваемые им бизнес-проекты постоянно лопались и разорялись, заставляя его столь же постоянно балансировать на грани банкротства.

Незадолго до того, как Арбабсиар подался в «международные террористы», очередная созданная им фирма разорилась, и он не смог выплачивать ипотечный кредит. Вдобавок ко всему, его бросила вторая жена. Все эти события вызвали обострение уже имевшегося у него психического расстройства, поставив его на грань безумия». Какой к иблисам заговор, иранская резидентура, диверсии на территории США? Слабоумный алкоголик, живший в мире своих иллюзий и рассказывающий об этих иллюзиях агентам ФБР. Но на безрыбье и Арбабсиар диверсантом станет, а потому — 25 лет за «умысел на совершение террористического акта». Ибо — политическая целесообразность превыше закона. Плюс — откровенный цинизм, достаточно вспомнить комментарий Хилари Клинтон, сделанный сразу после ареста Арбабсиара: «С помощью этих крайне веских аргументов, которые были обнаружены сегодня, появились дополнительные рычаги для отношений с Ираном». Именно так — «дополнительные рычаги». И не суть важно, сколько людских судеб ляжет под гусеницы управляемого этими рычагами бульдозера необъявленной войны — 126 тысяч иранских работников автопрома и членов их семей или один слабоумный Арбабсиар.

Но — что позволено Юпитеру, то не позволено Тегерану. Когда Министерством информации была выявлена разведывательно-диверсионная организация и арестовано двенадцать ее участников, то западные СМИ без

промедления объявили, что никакой такой организации не было, что кровавая иранская госбезопасность арестовала демократических оппозиционеров, вся вина которых заключалась в том, что они критически относились к правящему режиму. Добавлю, что настолько критически, что готовили серию взрывов на избирательных участках 14 июня в Тегеране, Ардебиле и провинции Систан-Белуджистан. Принципиальное отличие данного дела от «дела Арбабсиара» заключается в том, что если в американском случае все обвинение строится на показаниях самого обвиняемого и подставленных ему агентов ФБР, то в «деле 12» более чем достаточно прямых улик: изъяты несколько уже готов взрывных устройств, оружие и средства связи.

Впрочем, сколь ни убедительны были бы эти прямые улики, западные медиа никогда не признают истинную суть дела «12-ти». Есть в нем, знаете ли, очень скользкий момент: сотрудничество разведки Израиля с действующими в иранском Белуджистане недобитыми активистами «Джундаллы», связь которых с «исламскими экстремистами», Талибаном и Аль-Каидой считается на Западе вполне доказанной. А если прибавить, что двое из арестованных — активные члены «Моджахедин-э Хальк», буквально пару месяцев назад исключенных США из списка террористических организаций, то история приобретает весьма неприятный для Запада оборот. Ведь расследование этой истории позволит ответить на целый ряд вопросов. О том, кто, во-первых, является спонсором пресловутого «исламского терроризма» (к которому Ислам никакого отношения не имеет), во-вторых, о том, кто разжигает суннитско-шиитское противостояние, и, в-третьих, для чего в действительности потребовался американской политической элите делистинг Моджахедов-е Хальк.

В начале статьи говорилось о внезапности, точнее о том, что внезапность санкций и обвинений — кажущаяся. Помимо прочего, в новой волне обвинений против Ирана, в принятом пакете санкций есть еще два аспекта, тесно увязанные с Сирией и Россией. Поражение так называемой «вооруженной сирийской оппозиции» становится для Запада обескураживающей реальностью. Не менее неприятным обстоятельством является и то, что одной из причин такого поражения антисирийской коалиции стало тесное сотрудничество и согласованные шаги российской и иранской дипломатии в отношении сирийского кризиса.

В тоже время, ввязавшись в борьбу против Асада, администрация Белого дома инициировала целый ряд процессов, которые по значимости вполне сопоставимы с разгромом и оккупацией Ирака. Собственно, запущен новый виток «турбулентности», в орбите которого оказываются теперь уже Ливан, Иордания, монархии Залива, да и Турция, поскольку достаточно очевидно, что в нынешние волнения — это такой своеобразный «звонок» Эрдогану, помимо прочего решившему дистанцироваться от участия в антисирийской коалиции.

Немаловажно для Запада и антисирийской коалиции и то, что же делать дальше с легионом иностранных боевиков, воюющих сегодня против Асада. Одно дело — перемалывать их в влотекущей гражданской войне в Сирии,

заставляя сражаться за геополитические интересы США, Запада и монархий Залива. Совсем другое — принять их на «своей территории» после того, как Асад победит. Отсюда — достаточно очевидное решение: расколоть возникший российско-иранский союз, не допустить участие Ирана в сирийском урегулировании, затянуть сирийский кризис на как можно более длительный срок. И — пропагандой в сочетании с беспрецедентными санкциями вывести Иран из игры. Действительно, как может принимать участие в мирном диалоге страна, обвиняемая в «поддержке международного терроризма»? Как может участвовать в восстановлении Сирии и Леванта государство, наглухо обложенное экономическими санкциями?

Сегодня США заявляют, что участие Ирана в Сирии деструктивно, что приглашать его к участию в мирной конференции нецелесообразно и даже вредно. Медиа истерят о том, что без вооруженной поддержки Ирана и России режим Асада не устоял бы, и Сирия уже давно встала бы на путь демократических преобразований. Неистовый Маккейн, тот самый, который в ходе избирательной кампании в США призывал к физической ликвидации российских ядерщиков, три недели назад нелегально встретившись в Сирии с «полевыми командирами» пообещал им тяжелое вооружение, и ныне в Конгрессе стелает о том, что «вооруженные АК-47 сирийские бойцы за свободу не могут противостоять танкам Асада». Ничего не напоминает? Афганистан 1980–1981, администрация Рейгана и дебаты в Конгрессе о поставках оружия моджахедам?

Хроника необъявленной войны против Ирана имеет железную внутреннюю логику: нанести поражение Исламской республике на «сирийской глубине», сменить режим в Тегеране, перекроить карту Ближнего Востока... Ну а там, глядишь, вниманию аналитиков будут предложены и свежие хроники российско-американской необъявленной войны.

Сергей Никитин

Турция против радикализации общества

Всю прошлую неделю мир наблюдал настоящее побоище, устроенное турецкими силовыми структурами мирным демонстрантам, вышедшим на улицы крупных городов, прежде всего, Анкары и Стамбула. Искра, разожженная локальным протестом против застройки стамбульского парка Гези, «подожгла» 48 городов Турции, выведя на их улицы сотни тысяч демонстрантов. Экологические требования очень быстро сменились на политические, носившие глобальный характер — отставки, либо коренного изменения политики турецкого правительства, возглавляемого Реджепом Тейипом Эрдоганом. Фактически, сотни тысяч людей публично и открыто выразили свое недоверие правительству.

Турецкий народ против радикализации страны

Прежде всего, кабинету Эрдогана «припомнили» его весьма странную и неуклюжую политику по исламизации страны. Не лишённые креатива флеш-мобы, митинги и демонстрации наткнулись на неожиданно жестокий ответ властей. Полиция применила силу, что сразу же привело к многочисленным жертвам. Демонстранты не остались в долгу, отстаивая в рукопашных схватках со стражами порядка свои права и атаковав в ряде городов представительства правящей Партии справедливости и развития. По последним данным, в уличных «сражениях» погибло четыре человека (среди них — один страж порядка), не менее 2800 граждан получили ранения разной степени тяжести, а примерно 2,3 тысячи протестующих были задержаны. Буквально на днях новостные ленты мировых СМИ «взорвались» сообщением об аресте 24 блогеров, которых турецкие власти посчитали виновными в организации протестов. Ещё 14 проявивших активность в интернете граждан находятся в розыске. Всем им не более 25 лет. Что же случилось за эти несколько дней? Что вывело тысячи людей на улицы, толкнуло их под полицейские дубинки и заставило гибнуть и попадать в тюрьмы? Почему была столь жестока полиция «европоподобного», светского и «демократического» государства?

На первый вопрос ответить, пожалуй, проще всего. Недовольство политикой Партии справедливости и развития, Реджепом Эрдоганом и президентом Абдуллой Гюлем копилось в обществе уже достаточно давно. Открытый, беспардонный религиозный фундаментализм партии, позиционировавшей себя ранее как умеренная и приверженная принципу светскости Турции,

на протяжении последних 11 лет все больше и больше раздражает турецкое общество. Многим воспитанным на идеалах секуляризма и кемализма гражданам не может нравиться беспардонное вмешательство государства в семейные отношения и навязывание «семейных ценностей», подаваемых, естественно под религиозным «соусом». Настоящая борьба правительства и ПСР за отмену ставшего традиционным со времен Ататюрка дресс-кода в учебных заведениях имело явной целью внедрение в общественную жизнь хиджаба, что в перспективе серьезно урезало права женщин. Еще один «фронт» наступления на права лучшей половины человечества — право на аборт. Благодаря стараниям правительства Эрдогана, любая турчанка не может теперь сделать данную операцию без уведомления членов ее семьи. Даже достаточно прозаические ограничения на продажу алкоголя не очень вяжутся с идеалами демократического общества и государства, всеми правдами и неправдами пробивающего себе дорогу в Евросоюз.

Неудивительно, что более всего подобные ограничения ударили по самой нуждающейся в свободе части населения — творческой интеллигенции, деятелям культуры, бизнеса, специалистам наиболее высокотехнологичных отраслей, так называемому «креативному классу». Именно его представители составляют большинство протестующих в Турции. Эти привыкшие к светскому обществу люди вдруг обнаружили, что это самое общество начало утрачивать присущие ему черты. В него все глубже проникает религия, тесня науку, образование, культуру и права человека. При этом в стране серьезной ломке подверглась и политическая система.

Внутренняя политика Эрдогана: избавление от противников своего курса

Последний тезис необходимо пояснить. Эрдоган, пришедший к власти в 2002 году, привлек население в основном своей экономической программой. Последняя, к слову, в краткосрочной перспективе дала некоторые результаты — уровень жизни турецких граждан несколько вырос. Вместе с тем, правительство Эрдогана инициировало и провело целый ряд весьма одиозных политических реформ — ограничило полномочия Конституционного суда, всерьез потеснило военное руководство. Против последнего была, к слову, организована настоящая травля, закончившаяся арестом 250 высокопоставленных офицеров, в числе которых — 72 генерала. Этими шагами премьер-министр уничтожил две силы, которые могли бы стать серьезными препятствиями на пути проводимого им курса на исламизацию страны. Усилился прессинг в отношении оппозиционных политических партий, которые в настоящее время также не представляют собой серьезной силы.

Сейчас в Турции даже журналисты не в состоянии заявить о том, что происходит — это чревато серьезными проблемами. Страна вышла на первое место по количеству томящихся в тюрьмах сотрудников СМИ — их число достигло 49. Это — мировой рекорд. Между тем, в данном списке нет упомянутых выше арестованных блогеров... Внутренняя политика Эрдогана имеет все черты скатывания в диктаторское правление, основанное на господстве исламского радикализма и постепенного отрицания принципов лаицизма, являвшихся ранее столпами государственного устройства современной Турции.

Внешняя политика: поддержка исламских радикалов

Внешняя политика при Реджепе Эрдогане оказалась столь же одиозной. Последовательная поддержка сирийских оппозиционеров на первых порах видевшихся миру «демократами» и «либералами» еще могла вписываться в идеологию турецкой республики. Однако когда пальму первенства в сирийском оппозиционном движении перехватили исламские радикалы, салафиты, ратующие за построение шариатского государства, позиция светской Турции оказалась поистине странной. Страна, стремящаяся в Евросоюз, являющаяся таким бастионом светскости и европейского образа жизни среди религиозных и коррумпированных мусульманских государств-неудачников, вдруг стало помогать гражданам, устраивающим теракты, убивающим и насилующим невинных людей, а, как свидетельствуют последние видеозаписи, промышляющих и людоедством (командир бригады «Фарук», противостоявшей сирийским правительственным войскам в городе эль-Кусейр, Халид аль-Хамад прямо на камеру вырезал и съел сердце «врага»).

Ранее звучали даже предложения предоставить сирийским бандитам турецкое гражданство. К слову, эти «граждане» были бы не совсем бесполезны для Эрдогана — они, скорее всего, дружно проголосовали бы за него на очередных выборах. Свою верность турецкому премьеру «гости» из Сирии доказали — во время волнений в Аднана они, не задумываясь, напали на курдских манифестантов.

При этом Башар Асад и его режим, с которым руками оппозиционеров борется Эрдоган, также вполне светский и, несмотря на некоторые имеющиеся еще с колониальных времен территориальные противоречия, по сути своей близкий турецкому. Более того, после известных событий «Арабской весны» это — едва ли не единственный такой режим во всем арабском мире, полном монархий и теократий.

Если вспомнить поддержку Эрдоганом также и египетских «братьев-мусульман», выступивших против столь же светского режима Мубарака, можно задать вопросом — чем, как не самоубийством является современная внешняя политика Турции? Этот вопрос мог бы быть актуален, если бы турецкий премьер был настоящим поборником светскости и демократических ценностей. Но, из всего вышеперечисленного можно сделать логичный вывод, что это — не совсем так. Реджеп Эрдоган не хочет быть подобием египетского Мубарака или Садата — он хочет стать, как минимум, вторым Мурси. Премьер-министр Турции поддерживает сирийских исламистов именно потому, что его цель на деле — воплотить похожий на египетский или сирийский проекты в своей стране.

«Грязные» страницы биографии турецкого премьера

Надо сказать, что опыт политических махинаций, обмана и «грязной игры» у Эрдогана — изрядный. Не просто так, будучи мэром Стамбула, он был осужден за хищения из бюджета города. Данная судимость помешала будущему премьеру войти в турецкое Великое Национальное собрание. Однако уже вскоре судимость тем же собранием у Эрдогана была снята (что неудивительно, учитывая, что большинство депутатов к тому времени было членами Партии справедливости и развития), после чего один из парламентариев неожиданно ушел в отставку. Вместо него в Великое Национальное собрание

попал Реджеп Эрдоган. Именно с этого не совсем честного и не совсем прозрачного эпизода началось восхождение Эрдогана на политический Олимп.

Вместе с тем, турецкий премьер всю свою политическую карьеру был известен как ярый сторонник генерального секретаря партии «Рифах» и ярого сторонника исламизации Турции Наджметдина Эрбакана, смещенного военными в 1996 году с поста главы правительства страны. Не удивительно, что и ПСР многие турки воспринимают не иначе, как наследницу исламистской «Рифах».

Народ спутал карты

Казалось бы, для проведения задуманного курса у Партии справедливости и развития нет серьезных препятствий. Однако ее функционеры забыли о турецком народе. О простых, но, вместе с тем, неглупых людях, которых совсем не устраивала перспектива превращения Турции в халифат. И здесь совершенно не важно, что стало бы поводом для выплескивания этого недовольства. Экологический протест — ни в коем случае не причина, а лишь повод для выхода на улицу сотен тысяч несогласных с политикой турецкого правительства.

И вот, тот самый протест, который столь рьяно поддерживал Эрдоган в Египте, Ливии, Сирии, однако, в отличие от этих стран — вполне мирный и цивилизованный, без стрельбы и провокаций, предстал перед его глазами на улицах крупнейших турецких городов. О массовости движения говорит хотя бы тот факт, что половина провинций Турции поддержала протестующих в Анкаре и Стамбуле.

Эрдоган и мирные протесты

Как же охарактеризовал протесты премьер-министр? Он, вернувшись из североафриканского турне, заявил, что они противоречат демократии и превратились в вандализм. Выходит, мирные протесты демократии противоречат, а поедание сердец врагов, не осужденное премьером, столь пристальное внимание уделяющим Сирии, — не противоречит. Двойные стандарты были обнажены господином Эрдоганом в последнюю неделю настолько явно, что даже представители его администрации и иностранные покровители не могли не попытаться унять, по-видимому, всерьез запаниковавшего премьера. Так, вице-премьер Турции Бюлент Арынч принес свои извинения демонстрантам, отметив чрезмерную жестокость полиции и оправданность некоторых из их требований. Видимо, даже в правительстве Эрдогана еще остались люди, признающие, что разгонять водометами и газовыми гранатами мирную демонстрацию — методы не самые демократичные.

Уполномоченный по расширению Евросоюза Штефан Фюле, в свою очередь, также назвал действия полицейских в отношении демонстрантов чрезмерно жестокими, и потребовал расследования ряда инцидентов. Ранее осудить разгон демонстраций призвала турецкое руководство канцлер Германии Ангела Меркель.

А вице-президент Сирии, той самой, которая постоянно подвергалась критике со стороны Эрдогана, на днях предложил самому турецкому премьер-ми-

нистру оставить свой пост и просить политическое убежище у Катара. Однако в чем нельзя обвинить Реджепа Эрдогана — так это в недостатке упорства. Он не только обвинил Европу в двойных стандартах, но и заявил, что демонстранты поддерживаются «извне». Кто желает «свалить» столь любимого на Западе и, в частности, в США, премьер-министра Турции, он не уточнил. Действительно, кто мог бы стать «архитектором» турецких беспорядков? Иран? Сирия? Однако, если бы эти страны имели желание мстить Турции, ситуация в этой стране приобрела бы совершенно иной характер.

Не следует забывать, что шиитский Иран и алавитская Сирия имеют серьезное влияние на турецких шиитов и алавитов, которых могли бы попытаться «поднять» против Эрдогана. Более того, Сирия уже показала свое влияние на «курдский вопрос». Надо иметь в виду что, если бы турецкие протестующие «работали» на Иран и Сирию, турецкое правительство, наряду с мирными демонстрациями, уже могло бы получить гражданскую войну. Эрдогану следует быть благодарным Асаду и Ахмадинежаду за то, что те пока не разыгрывают турецкую карту. А буквально днем раньше Эрдоган назвал участников демонстраций грабителями и... предложил выйти на улицы своим сторонникам... К чему может привести встреча тех и других — можно представить...

Турция выходит из игры

Что же несет для Ближнего Востока и всего мира внезапная политическая нестабильность в Турции? Во-первых, она доказывает старую пословицу «не рой другому яму...». Правительство Эрдогана столкнулось с таким же протестным движением, которое оно яростно поддерживало в других странах. Только турки, в отличие от сирийских и ливийских оппозиционеров, выступили против исламизации — за светскость и европейский образ жизни. С другой стороны — на лицо двойные стандарты Анкары. Со «своими» демонстрантами Реджеп Эрдоган вовсе не так лоялен, как с иностранными.

Сейчас на Ближнем Востоке решается судьба светских режимов, которые представлены, фактически, лишь Сирией и Турцией. Будучи противниками в вопросе сирийского противостояния, тем не менее, эти две страны и правящие в них режимы оказались «в одной лодке» в борьбе с исламским радикализмом и экстремизмом. Сможет ли в этой борьбе выжить как политик Эрдоган — вопрос сложный, однако, если Турция все же останется светской, его политическое будущее точно будет под вопросом. Пожалуй, этим и объясняется жесткая реакция премьера на демонстрации и полная неготовность к диалогу с протестующими. (К слову, тот же Башар Асад всегда был готов к диалогу, отрицая лишь переговоры с преступниками, на руках которых — кровь мирных сирийцев).

Нельзя не отметить, что происходящее в Турции несет несомненную выгоду, прежде всего, Сирии. Один из основных внешних противников Башара Асада теперь, как минимум, на некоторое время, «вышел из игры», сосредоточившись на внутренних проблемах. Турции теперь будет значительно сложнее оставаться базой для боевиков Сирийской свободной армии, тренировать, лечить и размещать их на своей территории, а также поставлять им оружие — как свое, так и чужое. Скорее всего, и турецкие спецслужбы в значительной мере переключатся на «внутренний фронт». Можно ожидать и некоторого снижения внешнеполитической активности Турции, в последнее время на-

правленной на арабскую республику. Фактически, сирийские боевики лишаются, как военной поддержки со стороны самого близкого из дружественных им государств, так и его дипломатического прикрытия. Для Сирии и союзного ей Ирана, особенно учитывая победу в эль-Кусейре, настало весьма благоприятное время, которое можно использовать, чтобы окончательно «добавить» мятежников. Стоит отметить, что и общественное мнение европейских стран после турецких событий (равно как и после съеденного сердца), скорее всего, будет становиться лояльнее к Асаду и его сторонникам.

В этой связи важна реакция Запада на турецкие события. Европа и США, столь яростно осуждавшие действия сирийского правительства с 2011 года и иранского — в 2009-м году, по логике должны быть столь же непримиримыми к своему союзнику Эрдогану. Возможно, Эрдогана, бывшего верным «другом» и проводником инициатив США, даже попытаются «слить». Если это будет так, то это будет откровенным цинизмом и самым грубым проявлением принципов двойных стандартов. Иран, помимо всего прочего, в случае продолжения турецкой нестабильности, лишается, пожалуй, самого крупного и серьезного геополитического конкурента, развязывая себе руки в отношении арабских государств Ближнего Востока и стран Закавказья.

К слову, в последнем регионе также могут произойти серьезные перемены. Азербайджан в своем противостоянии с Арменией, Ираном и косвенно — с Россией, опирается, прежде всего, на братские отношения с Турцией. Мощь турецкой армии служит гарантом стабильно враждебной позиции Баку по отношению к этим странам. Однако пусть даже временное «выключение» Турции может стать серьезным фактором, к примеру, пересмотра позиции Азербайджана по Габалинской РЛС, нефтяных месторождений Каспийского моря и карабахскому вопросу. Курс Азербайджана имеет все шансы сделаться значительно более «миролюбивым» по отношению к соседям.

События в Турции имеют значения и для России

Влияние Турции в Закавказье и ее временное переключение на внутреннюю проблемы сможет поспособствовать серьезному укреплению позиций России в данном регионе. Не для кого не секрет, что Тбилиси в числе своих основных союзников в противостоянии с РФ рассматривает, наряду с США и Евросоюзом, и Анкару. Текущее положение дел может сделать правительство Иванишвили значительно более сговорчивым.

Приостановится на некоторое время и влияние Турции в Абхазии, которое с каждым годом становится все больше и почему-то мало тревожит Москву. В перспективе Сухум имеет все шансы и вовсе переориентироваться с России на Турцию, однако сложное внутривластное положение последней, по крайней мере, отсрочит данный сценарий, если не уничтожит его совсем.

Стоит учесть и то, что определенное значение турецкие события имеют и для внутреннего положения России. Они не только облегчают противостояние Сирии и Ирана с экстремистами, но и показывают, что выступления российских оппозиционеров в 2011–2012 гг., а также реакция на них российских властей — не что-то экстраординарное. По сравнению с Эрдоганом и его спецслужбами, московская полиция выглядит едва ли не ангельски, что подвергает некоторым сомнениям заявления западных представителей о серьезных нарушениях прав человека и отсутствии плюрализма в нашей стране.

Можно ли верить предвыборным лозунгам кандидатов?

В самый разгар предвыборной агитации Избирательный штаб Телерадиокомпании Ирана публикует перечень политических и экономических программ всех восьми кандидатов на пост президента Ирана. Тщательное знакомство с проектами дальнейшей работы каждого из претендентов на пост главы исполнительной власти необходимо по целому ряду причин.

1. Предвыборные лозунги кандидатов должны продемонстрировать последовательность и логичность их критики в адрес некоторых государственных программ.
2. На примере программ кандидатов должно быть видно, кто из них всего лишь критикует нынешнюю власть, не предлагая взамен конструктивных решений.
3. Политические и экономические взгляды кандидатов должны совпадать с требованиями нынешнего Духовного лидера аятоллы Хаменеи и вождя Исламской революции имама Хомейни.
4. Предвыборные программы претендентов не должны провоцировать политическую нестабильность в стране и подрывать работу революционных органов власти.
6. Проекты новых реформ, заявленных кандидатами, не должны дублировать те программы, которые уже осуществляются государством или планируются, иначе такая предвыборная агитация может считаться простой демагогией.

Ниже приводятся политические программы всех восьми кандидатов на пост президента Ирана.

1. Саид Джалили

48 лет, независимый кандидат, секретарь Высшего совета национальной безопасности, представителя в нем Духовного лидера, бывший глава аналитического отдела секретариата Духовного лидера.

Джалили выступает за продолжение Ираном своей ядерной программы, считая ее частью национальных прав и интересов. По мнению кандидата, Исламская республика отстаивает свои права на ядерные разработки столь же успешно, как противостояла во время восьмилетней войны саадовскому Ираку, который пользовался поддержкой всего мира. Джалили подчерки-

вает, что в Иране ядерная энергетика и, в частности, ядерный реактор в Тегеране используется в только в мирных целях и высокое обогащение урана оправдано фактическим отказом иностранных государств предоставлять ядерное топливо. Секретарь Высшего совета национальной безопасности и официальный представитель Ирана на международных переговорах по ядерной проблеме напоминает, что когда-то Ирану запрещали обогащать уран до 3,5%, а сейчас хотят ограничить его обогащение уже до 20%. Этот факт, по мнению Джалили, свидетельствует о слабости иностранных партнеров, которые потенциально готовы идти на новые уступки. В международных отношениях кандидат призывает уделять большее внимание одним странам, которые имеют с Ираном общие интересы, и использовать противоречия с другими для предотвращения угроз. В его программе также подчеркивается, что Ирану, которого даже его оппоненты признают сильной региональной державой, следует препятствовать попыткам некоторых государств установить свою гегемонию над всем миром.

2. Голамали Хадад-Адель

68 лет, консерватор, высший советник Духовного лидера, депутат парламента, бывший вице-спикер парламента и экс-президент Академии персидского языка и литературы.

Хадад-Адель призывает не пренебрегать иранцами, проживающими за границей, и, напротив, использовать потенциал их знаний и опыта. Подчеркивая достижения Ирана в сфере ядерной энергетике, кандидат заявляет, что в случае его избрания президентом он будет придерживаться политики разрядки международного напряжения и мирного сосуществования со всеми государствами. Будучи президентом, советник Духовного лидера обещать вести переговоры с любой страной, включая США, но при условии сохранения независимости Ирана. Хадад-Адель готов идти на переговоры с Вашингтоном, если тот признает достижения Исламской революции позитивными для независимости Ирана. Этот кандидат считает необходимым вести переговоры с Западом с целью отмены санкций против Ирана (однако при условии сохранения независимости страны). Во внутренней политике он намерен минимизировать негативное воздействие международных санкций и даже использовать их для развития страны.

3. Али Акбар Велаяти

68 лет, советник Духовного лидера по международным вопросам, член Совета по целесообразности, бывший министр иностранных дел Ирана.

В своей предвыборной программе этот кандидат особо подчеркивает, что он возглавлял министерство иностранных дел Ирана на протяжении 16 лет (с 1981 по 1997 года), то есть, по сути, создавал с нуля внешнеполитическое ведомство Исламской республики, являясь при этом выдвиженцем сначала самого имама Хомейни (вождя Исламской революции 1979 года), а потом нынешнего Духовного лидера аятоллы Хаменеи. Переговоры по ядерной проблеме Велаяти сравнивает с мирными переговорами после окончания войны с Ираком в 1988 году, на которых возглавлял иранскую делегацию, и утверждает, что нынешняя проблема не сложнее предыдущей и вполне

разрешима. Советник Духовного лидера заявляет, что Иран может продолжать использовать ядерную энергию в мирных целях и наладить отношения с другими странами, сокращая при этом международные санкции, для этого, по мнению бывшего министра иностранных дел, необходимо всего лишь проводить более взвешенную и активную политику. В целом, заняв пост президента страны, Велаяти обещает решить проблему экономических санкций и развивать отношения с иностранными государствами, но при этом не уступать даже самой малости в реализации прав Ирана на ядерную энергию. Этот кандидат также обещает включить в аппарат правительства чиновников разных политических взглядов, создать «высоконравственное» правительство, работающее открыто и готовое к тесному сотрудничеству с парламентом, а также отменить визовый режим с 40 иностранными государствами.

4. Мохаммад Багер Галибаф

52 года, консерватор, мэр Тегерана, член Ученого совета географического факультета Тегеранского университета, бывший командующий полицией и авиацией Корпуса стражей Исламской революции.

В своей предвыборной программе столичный градоначальник призывает к коренным переменам в методах руководства, чтобы оптимизировать использование людских и материальных ресурсов и эффективно применять в экономике большое число трудовой силы. В качестве доказательства серьезности своих намерений Галибаф приводит собственный опыт семилетней работы на посту мера Тегерана, в ходе которой продемонстрировал населению города, что его слова не расходятся с делом. Намереваясь бороться с дискриминацией и нищетой, кандидат указывает на то, что сейчас в Иране после помолвки девушки вынуждены ждать до замужества еще несколько лет, чтобы собрать свое приданное. Столичный мэр считает, что эти и другие социальные беды мешают достижению общественной гармонии, без которой, в свою очередь, невозможен успех на международной арене как в плане сопротивления давлению иностранных государств, так и в переговорном процессе. По поводу ядерной программы Ирана, Галибаф считает, что Тегеран обязан продолжать переговоры с «шестеркой», однако недопустимо соглашаться с ее требованием прекратить использование ядерной энергии, к тому же некоторые проблемы могут быть решены кулуарно при поддержке лобби. Он также придерживается мнения о том, что гораздо больший ущерб наносят Ирану не международные санкции, а нерадивое руководство.

5. Мохсен Резаи

59 лет, консерватор, председатель Совета по целесообразности, бывший главнокомандующий Корпуса стражей исламской революции.

Резаи выстраивает собственную предвыборную стратегию на необходимости устранения дисбаланса, возникшего между сильной внутренней и внешней политикой Ирана и слабой экономикой. Если в плане политики Иран поддерживает тесные отношения с Сирией, Ливаном и Ираком и признается сильной региональной державой, имеющей мощные ракетные системы, то в

плане экономики налицо серьезные продовольственные проблемы, связанные с нехваткой для населения отдельных продуктов. Председатель Совета по целесообразности выступает также за кардинальное изменение структуры исполнительной власти, которая на данный момент, по его мнению, является авторитарной, а также призывает ослабить излишнюю централизацию страны, передав большую часть полномочий местным властям в провинциях. Резаи вполне серьезно рассматривает перспективу ирано-американских переговоров, которые могут быть возможны после принятия Тегераном и Вашингтоном определенных взаимных условий. Кандидат намерен усилить иранских внешнеполитический корпус большим числом сильных опытных дипломатов и обсуждать с США проблему ядерной энергетики, экологии и незаконного оборота наркотиков. Другим направлением внешней политики, по замыслу Резаи, станет создания Совета стран Юго-Западной Азии, целью которого будет обеспечение экономической безопасности и предотвращение региональных угроз. Что касается внутригосударственного реформирования, то кандидат планирует заменить обязательную военную службу профессиональной армией.

6. Мохаммад Реза Ареф

62 года, реформатор, член Высшего совета культурной революции, член Совета по целесообразности, бывший первый вице-президент и министр коммуникаций.

В внешней политике Ареф склонен брать за образец президентства Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и Мохаммада Хатеми, которые стремились развивать и укреплять отношения Ирана с другими странами. В том же ключе кандидат предполагает и решать ядерную проблему Ирана, которая, по его признанию, слишком политизируется. Подчеркивая необходимость продолжать использовать ядерную энергию в мирных целях, бывший вице-президент призывает сначала упрочить доверие к Ирану со стороны иностранных государств, причем сделать это возможно путем привлечения к международным переговорам опытных политиков и дипломатов, пользующихся авторитетом у западных партнеров, таких как Хашеми-Рафсанджани и Хатеми. Отдавая преимущество развитию отношений с мусульманскими странам, соседями по региону и странами-участницами движения неприсоединения и защите собственных прав, Ареф планирует обратиться к миру с «посланием мира» и улучшить отношения Ирана с внешним миром. Обсуждая нынешнюю внутривластную ситуацию, бывший вице-президент указывает, что после президентских выборов в 2009 году органы безопасности усилили свой контроль общественной жизни и особенно это заметно на иранском студенчестве, которое подчас выдвигает вполне справедливые требования. В целом, в непростых отношениях властей и общества Ареф винит обе стороны, а также подчеркивает, что пора покончить с господством консерваторов во властных структурах и для эффективного управления государством пришло время обратиться к опыту реформаторов. В случае победы на президентских выборах, кандидат обещает ввести должность вице-президента, занимающегося вопросами национальностей и соблюдения их конституционных прав. Также Ареф призывает активно использовать профессиональный потенциал женщин и более активно привлекать их к общественной жизни и руководству.

7. Хасан Рухани

65 лет, реформатор, директор Центра стратегических исследований при Совете целесообразности, представитель Духовного лидера в Высшем совете национальной безопасности, член Совета экспертов, ранее занимал должности секретаря Высшего совета национальной безопасности, советника президента по вопросам безопасности и вице-спикера парламента.

Рухани также выступает за продолжение переговоров по ядерной проблеме Ирана и убежден, что в этом деле можно полагаться на европейских лидеров, потому что только они могут предотвратить агрессию со стороны США. Аналогичным способом, то есть увеличивая противоречия между Брюсселем и Вашингтоном, он намерен добиваться отмены международных санкций против Ирана. Говоря о внешней политике в целом, кандидат призывает к «конструктивному взаимодействию» со всем миром и именно так намерен решить существующие в Иране проблемы и добиваться развития своей страны. Себя Рухани позиционирует как умеренного, сбалансированного политика, который заслуживает доверия как в Иране, так и за его пределами. Во внутренней политике представитель Духовного лидера выступает за «полифронтальность» и полагает, что волнения в обществе после президентских выборов в 2009 году вызваны именно тем, что всю власть в государстве сосредоточил в своих руках именно фронт консерваторов.

Рухани также выступает за продолжение переговоров по ядерной проблеме Ирана и убежден, что в этом деле можно полагаться на европейских лидеров

8. Мохаммад Гарази

72 года, реформатор, в настоящее время никакую государственную должность не занимает, в прошлом — министр нефти и министр коммуникаций.

Одним из своих преимуществ этот кандидат считает опыт работы по созданию в годы ирано-иракской войны общегосударственной телефонной сети, на которую тратились в основном внебюджетные средства. Одним из лозунгов кандидата является «создание тридцати тегеранов». Иначе говоря, он выступает против практики переезда губернаторов провинций в столицу государства, чтобы в случае нарушений не приходилось отсчитываться за свои действия. Гарази убежден, что губернаторы должны не только проживать в своих провинциях и отчитываться за проведенную работу перед населением своих провинций, но и выбираться самим народом. Единственным условием должно быть отсутствие у них сепаратистских тенденций. Следующим требованием кандидата является положить конец практике назначения министрами и другими правительственными чиновниками бывших сотрудников избирательных штабов кандидата в президенты. Гарази принципиально выступает за создание правительства профессионалов, вне зависимости от того, какова их политическая ориентация и под чьим началом им когда-то приходилось работать.

Дмитрий Зеленин

Иран ответил триумфом демократии на «арабскую весну»

Победа Хасана Роухани и массовое участие иранцев в президентских выборах опровергли скептицизм Запада по поводу демократической модели Исламской Республики. Эксперты не исключали возможности его победы, но только во втором туре выборов и при условии сохранения раскола в лагере консерваторов. Фаворитом президентской гонки считался мэр Тегерана Багер Галибаф, который в итоге вышел на второе место, но разница между ним и Роухани составила 12 млн голосов.

Триумф Роухани стал сенсацией не только национального, но и международного масштаба, учитывая повышенный интерес к выборам в Иране всех мировых СМИ. Первым поздравил победителя верховный руководитель / муршид/ Исламской Республики аятолла Али Хаменеи, призвавший сограждан «к сотрудничеству с Роухани, который стал законно избранным президентом всего иранского народа».

Ликование на улицах Тегерана, между тем, продолжается: 64-летний политик, имеющий религиозный сан ходжатольтэслама, особенно популярен у молодежи, которая ждет от него перемен и модернизации. И Роухани уже в своем первом обращении по государственному телевидению пообещал «принять экстренные меры по оживлению экономики, чтобы создать новые рабочие места».

Ждать ли либерализации?

Как отмечает обозреватель Али Бадрам, иранцы рассчитывают, что новый президент выступит инициатором политики «инфитаха» — либерализации, как в экономической, так и во внутривнутриполитической сфере. В своей предвыборной программе Роухани обещал, что после избрания разработает «Хартию гражданских свобод» и выпустит из тюрем политических узников, в том числе, вождей и активистов «зеленой волны», пытавшихся четыре года назад путем уличной конфронтации оспорить результаты президентских выборов, на которых победил Махмуд Ахмадинежад.

Исправить «испорченные за прошедшие восемь лет отношения Тегерана с остальным миром» победивший на выборах кандидат от лагеря умеренных и реформаторских сил намерен, «вернув этику в политику». Роухани позиционирует себя как последовательный сторонник диалога, готовый на компромиссы с Западом во имя снятия с Ирана экономических санкций, но при соблюдении «национальных интересов».

В своем выступлении в воскресенье новый иранский лидер, как бы предвосхищая грядущие прорывы в отношениях Ирана с внешним миром, заявил, что «те, кто считают себя приверженцами демократических устоев, должны

теперь вести конструктивный диалог с Тегераном на языке демократии, а не путем диктата и санкций».

«Шейх дипломатии»

Будучи главным переговорщиком по иранскому ядерному досье в 2003–2005 гг., Роухани снискал прозвище «шейха дипломатии». Однако после прихода Ахмадинежада к власти он был отстранен от дел и последние восемь лет был одним из представителей Хаменеи в Высшем совете национальной безопасности, в котором сам председательствовал в 1989–2005 гг.

Послужной список нового президента во многом объясняет его авторитет в политических, культурных, религиозных и военных кругах. Так, в период ирано-иракской войны / 1980–1988 гг./ он занимал ведущие посты в командовании вооруженными силами Ирана: был членом Высшего совета обороны, заместителем командующего фронтом, командующим ВВС и заместителем командующего вооруженными силами. В меджлисе /парламенте/ он возглавлял комитеты по обороне и по внешней политике, был вице-спикером. В религиозной столице Ирана — городе Кум на президентских выборах Роухани получил 200 тыс голосов, не оставив своим конкурентам никакой надежды, что свидетельствует о значительной поддержке, которой пользуется ходжатольтэслам среди духовенства.

Эксперт по иранским проблемам Васим аль-Биззи в этой связи полагает неверными и поспешными утверждения о том, что победа Роухани якобы ничего не изменит в системе принятия судьбоносных для Ирана решений, где последнее слово остается за Хаменеи. По его мнению, появление такой консолидирующей фигуры в высшем эшелоне власти внесет определенные изменения во внутреннюю и внешнюю иранскую политику. «Роухани победил на выборах, благодаря тому, что был воспринят на общественном уровне как символ традиции, заложенной имамом Хомейни — вождем антишахской революции», — подчеркивает аль-Биззи.

По мнению популярного телеведущего Гассана бен Джидду, триумф демократии в Иране и ошеломляющий успех Роухани свидетельствует, что иранцы сумели преодолеть раскол в обществе, вызванный президентскими выборами 2009 года и последовавшими за ними репрессиями против вождей оппозиции. «Иран вступает в новую эпоху, укрепив внутренний фронт перед серьезными внешними вызовами», — резюмирует бен Джидду.

Сам Роухани уже дал понять, что в числе приоритетных задач считает преодоление враждебности и недоверия с Саудовской Аравией, принимая во внимание подошедшую к опасной черте из-за событий в Сирии и Ираке рознь между суннитами и шиитами — приверженцами двух основных ветвей в исламе. «Возвращение к добрососедству и партнерству с Саудовской Аравией обеспечит региональную стабильность, в которой заинтересованы Иран и государства зоны Персидского залива», — указал он в предвыборном интервью газете «Аш- Шарк аль-Аусат».

Выход из сирийского кризиса новый иранский президент видит в приходе «к справедливому урегулированию, которое поддержат все стороны». События в Сирии он назвал «трагедией, которой надо положить конец».

Самина Растгари

Иранские консерваторы ищут виновного в поражении на президентских выборах

Результаты всенародных выборов президента Ирана изумили всех как внутри страны, так и за ее пределами. Еще неделю назад никто не мог предположить, что 15 июня на политическом олимпе Исламской республики произойдут столь кардинальные перемены.

В качестве примера достаточно взглянуть в консервативную прессу, в которой впервые за восемь лет пишут о разгроме своих политиков. Консервативные газеты и новостные агентства уже были готовы праздновать победу, когда 16 июня объявили, что окончательную победу на выборах одержал реформатор Хасан Роухани. Вслед за этим все они стали анализировать причины поражения консерваторов. Одни взялись обвинять Джалили, другие — Галибафа, третьи — Велаяти, однако все они стараются подчеркнуть несхожесть действий Ахмадинежада с политикой консерваторов и обвиняют его одного в победе реформаторов. Ряд других изданий, чтобы разделить общественное ликование, подчеркивают, что Роухани — вовсе не реформатор, а кандидат от Общества борющегося духовенства. Все эти аналитические выкладки помогают больше понять ход мыслей консерваторов. Сейчас, когда политика освободилась от их господства, они со своими идеями — как на ладони. Рассмотрим подробнее, что же пишет консервативная пресса о причинах поражения своих кандидатов-консерваторов.

Поиски виновного: Джалили или Галибаф?

Газета Tehran-e Emruz («Современный Тегеран»), поддерживающая столичного градоначальника Галибафа, во всем обвиняет Джалили, который превратил предвыборную кампанию в своего рода народный референдум по ядерной проблеме. Издания, выступающие за Джалили, напротив, винят Галибафа, который мог бы вступить в коалицию с Джалили. Так, информационное агентство Rajanews пишет, что столичный мэр получил известность за счет денег и власти при активной помощи средств массовой информации, и что строительство туннелей и дорог не делает общество свободным.

Коалиция или единство — все едино

Процентное соотношение голосов, отданных в поддержку всех консерваторов вместе взятых, даже если к ним прибавить голоса за реформатора Га-рази, показывает, что все равно они не смогли бы одержать победу на этих выборах. Некоторые их сторонники убеждены, что прочная коалиция консерваторов могла бы привести к совершенно другому результату. Другие же сторонники Джалили, например, аятолла Алиреза Панахиян, убеждены, что в таком случае на выборах образовалось два полюса — консервативный и реформаторский, и при численном превосходстве голосов, отданных за Роухани, это могло бы дестабилизировать общественную ситуацию.

Отмежевание от Ахмадинежада

Сейчас приходится слышать целый шквал критики в адрес Ахмадинежада. Кроме того, консерваторы называют одной из причин своего поражения молчаливое согласие с политикой переизбранного президента, который писал свои программные работы под лозунгом приверженности консерватизму. В частности, информационно-аналитический сайт консерваторов amtagiyan.ir обвиняет Ахмадинежада в том, что из-за его необдуманных действий народ отвернулся от кандидатов-консерваторов и, «обжегшись на молоке, теперь дует на воду». Уже упомянутый аятолла Панахиян отмечает, что хотя сам Ахмадинежад не признавал себя консерватором, а сами консерваторы всегда явно отмежевывались от него, все программы его правительства осуществлялись под знаменем консерватизма, чем и воспользовались реформаторы в своей предвыборной кампании.

Признание поражения и новая консолидация сил для победы

В политике никакая группа не исчезает окончательно, она лишь отходит на второй план, сохраняя своих приверженцев. Консерваторы могут многое понять, обратившись к опыту реформаторов, и надеяться на лучшее, ведь реформаторское движение в Иране развивалось, несмотря на все ограничения, трудности и лживую критику, потому что общество сохранило свою приверженность реформам. Точно так же и консерваторы, отойдя от власти, могут продолжить свое естественное развитие и найти свой новый путь.

Исход выборов 2013 года в Иране доказал одно: в политике надо играть по-честному. И каждые четыре года необходимо вдохновляться на новую борьбу, а ликвидация конкуренции губит всякую надежду и уродует политику.

В политике никакая группа не исчезает окончательно, она лишь отходит на второй план, сохраняя своих приверженцев

Шамиль Султанов

Изысканный интеллектual для нового Ирана

14 июня в Исламской Республике Иран состоялись выборы главы государства. Новым Президентом ИРИ в первом же туре был избран Хасан Рухани. За него проголосовали свыше 51 процента населения страны. Второе место занял сторонник жесткой консервативной линии Мухаммад Галибаф — мэр Тегерана, который набрал около 15 процентов.

Политолог Шамиль Султанов предлагает читателям портрет нового президента Ирана, которого многие называют реформатором.

За Рухани голосовали представители самых различных слоев населения — от прозападных молодежных групп до беднейшего населения сельских провинций и ультраконсервативного духовенства. Так что, новый президент стал как бы символом нового объединения иранского социума. Около 680 граждан ИРИ изъявили желание участвовать в президентских выборах. На финальную стадию были допущены восемь человек, трое из которых являлись ультраконсерваторами. Рухани считался достаточно умеренным и прореформистски настроенным кандидатом. За несколько дней до выборов два других более или менее умеренных кандидата снялись с гонки. Шансы Рухани резко возросли. Ультраконсерваторам же не разрешили объединиться. Хасан Рухани победил в первом туре, а страна избежала политического и социального раскола. Тем самым иранский правящий класс под руководством Али Хаменеи вновь доказал свою государственную мудрость и способность консолидироваться в решающие политические моменты, отбросив в сторону второстепенные противоречия.

Закрытый политик

Новый президент — яркий представитель высшей политической элиты современного Ирана. Рухани родился 12 ноября 1948 года. Он — высокопоставленный представитель шиитской иерархии, пользуется большим авторитетом среди духовенства, особенно политизированного.

Хасан Рухани слывет изысканным и высокопрофессиональным интеллектуалом. Он написал значительное количество книг и статей, посвященных проблемам национальной и глобальной безопасности, внешней и внутренней политики ИРИ, ядерной программе страны, вопросам шиитского богословия. У него три ученые степени по юриспруденции, в том числе он

защитил докторскую диссертацию в Шотландии. Рухани возглавляет очень влиятельный Центр стратегических исследований и является редактором трех серьезных ежеквартальных журналов, посвященных научным и стратегическим исследованиям, а также вопросам внешней политики. Он свободно говорит на английском, немецком, русском, арабском, французском языках. Имеет вкус и потенциал к действительно стратегическому мышлению.

По своим психологическим качествам Хасан Рухани очень закрытый политик, но в то же время идеологически ориентированный, дисциплинированный и скрупулезный. Хорошо разбирается в людях, может устанавливать эффективные коммуникационные связи даже с противниками. Обладает ярко выраженными организаторскими способностями и незаурядной политической волей. Способен формировать многослойные политические коалиции.

Хасан Рухани имеет сильную персональную поддержку в военном истеблишменте страны. В свое время он был командующим иранскими ПВО, руководителем ряда высших военных и оборонных советов ИРИ. В течение 13 лет являлся помощником по национальной безопасности у президентов Рафсанджани и Хатами. Кстати, и Рафсанджани и Хатами открыто поддерживали кандидатуру Рухани на последних президентских выборах.

В течение 2003–05 годов был главным переговорщиком от Исламской Республики Иран по вопросам иранской ядерной программы.

Рухани имеет лейбл «умеренного реформатора». Во многом это связано с тем, что он в течение длительного времени работал с Мухаммадом Хатами, который в 2009 году возглавил массовое «Зеленое движение», которое выступило против правительства Ахмадинежада и было сурово подавлено. Сам Рухани назвал широкомасштабные протесты 2009 года «народными и естественными».

Тандем Хуменеи-Рухани

Однако главную роль в президентской победе Рухани сыграли его тесные отношения с Али Хаменеи — духовным лидером ИРИ. Хасан Рухани в течение более двадцати лет входит в ближайшее окружение рахбара. Еще в 1989 году, когда ему было только сорок лет, он стал личным представителем Хаменеи в Совете безопасности Ирана.

При содействии Али Хаменеи Рухани был назначен членом влиятельнейшего Собрания экспертов, который отвечает за назначение и смещение верховного духовного лидера.

Политические реалии ИРИ таковы, что именно рахбар отвечает за проблемы безопасности и внешней политики. Поэтому Хаменеи в свое время настоятельно посоветовал и Хатами и Рафсанджани кандидатуру Рухани на пост помощника по национальной безопасности.

Главную роль в президентской победе Рухани сыграли его тесные отношения с Али Хаменеи — духовным лидером ИРИ

Некоторые вообще считают Рухани наиболее близким и доверенным лицом нынешнего духовного лидера. Во многом их объединяет присущее обоим политикам стратегическое мышление. Если не произойдет каких-либо трагических форс-мажорных событий, то именно Хасан Рухани может стать наиболее реальным претендентом на пост рахбара после завершения миссии Али Хаменеи.

Хасан Рухани — это новый президент для принципиально нового политического этапа. Он должен будет проводить более сбалансированную внешнеполитическую линию по отношению к США. Вашингтон уже конфиденциально сообщил в Тегеран, что готов «к серьезным переговорам».

Рухани должен будет вывести страну из внешнеполитической изоляции, и при этом не сдать принципиальные позиции по иранской ядерной программе. Страна нуждается также в экономических преобразованиях, поскольку из-за экономических санкций Запада жизненный уровень населения падает.

И, наконец, Рухани должен будет закрепить достигнутый Ираном (в том числе и в период президентства Махмуда Ахмадинежада) статус региональной супердержавы.

У тандема Хаменеи-Рухани есть шанс добиться этих целей. Хотя, нельзя утверждать, что они обречены на победу.

Иранская сенсация может обойтись России очень дорого

Настоящей сенсацией завершились в минувшую пятницу выборы нового президента Ирана. В первом же туре, набрав 50,7% голосов избирателей, в них победил 64-летний Хасан Рухани — один из сподвижников «отца-основателя» Исламской Республики Иран Рухоллы Хомейни, возглавлявший в 1989–2005 годах, при президенте Хатами, Высший совет национальной безопасности Ирана и являвшийся, соответственно, главным переговорщиком Тегерана с международной «шестеркой».

«Результат президентских выборов в Иране ошеломителен... Практически никто из наблюдателей и экспертов не ожидал, во-первых, того, что выборы закончатся в один тур. Во-вторых, мало кто прогнозировал победу на них Хасана Рухани — политика-центриста, близкого и к реформистским кругам, и к умеренным консерваторам. Тем более никто не предполагал, что 14 июня он наберет более 50% голосов избирателей. При этом его ближайший соперник получил в три с лишним раза меньше. А вместе второй и третий «призеры» президентской гонки, действующий мэр Тегерана Галибаф и «ядерный переговорщик» Джалили, взяли примерно половину того числа голосов, которое досталось сподвижнику аятоллы Хомейни. Но именно их, в отличие от Рухани, считали главными фаворитами. Иногда в пару основных претендентов на президентское кресло в Тегеране включали бывшего министра иностранных дел Велаяти — но не человека, ставшего действительным победителем, причем с места в карьер. Таким образом, итог президентской кампании в Иране стал «многоэтажной», «многослойной» сенсацией», — отмечает в «Известиях» историк Станислав Хатунцев.

«Хасан Рухани не рассматривался не только в качестве лидера гонки, но и вообще не казался способным пройти первый тур, — написал в своем «ЖЖ» еще до подведения итогов голосования известный эксперт «Эль Мюрид». — Иранские опросы общественного мнения еще три дня назад показывали значительное разочарование населения и нежелание идти на выборы. Освещалась уверенная кампания двух консервативных кандидатов — Галибафа и Джалили. Уверенность их подчеркивалась благорасположенной позицией Хаменеи (духовного лидера Ирана. — Прим. KM.RU), так и не призвавшего голосовать за кого-либо из кандидатов. Это трактовалось как полная уверенность рахбара в победе «его» кандидата, кто бы им ни был.

Все изменилось в среду, за полсутки до «дня тишины». Али Акбар Хашеми Рафсанджани призвал своих сторонников отдать голоса за Хасана Руха-

ни. И мгновенно ситуация стала иной. Явка, которая прогнозировалась на уровне не выше 40–50%, составила аж 80% (на самом деле она составила 72,7%. — Прим. КМ.RU). Собственно, именно эти 30–40% и решили исход голосования: все остальные кандидаты набрали ровно то, что и прогнозировалось, в абсолютных цифрах. Рухани взял все остальное, и этого хватило для победы в первом туре.

Уже утром предварительные итоги были известны, и власти попросту тянули с опубликованием новости. Теперь уже понятно, что делалось эти полдня: по Ирану прошла резкая и быстрая зачистка всех известных спецслужбам диверсионных ячеек, ориентированных на запуск беспорядков 21 июня — в день голосования во втором туре. В Ираке был обстрелян лагерь «Моджахеддин-э-Хальк» под Багдадом. Граница была взята под тотальный контроль. Все это заняло буквально полсутки, после чего окончательные итоги были объявлены.

Запад оказался поставлен перед фактом: протестовать некому, и нет повода

Запад оказался поставлен перед фактом: протестовать некому, и нет повода. Победил тот кандидат, поражением которого Запад и должен был возмутиться.

Сколько здесь технологий, сколько реального волеизъявления народа — сказать теперь уже невозможно. Но получилось так, как вряд ли прогнозировал кто бы то ни было.

При этом Рухани — не оппозиционер в том смысле, который вкладывает в него западная политическая традиция. Рухани — абсолютный и преданный сторонник еще имама Хомейни, последовавший за ним в эмиграцию, сидевший в шахских тюрьмах, вернувшийся в Иран после революции и работавший на благо этой революции все постреволюционные годы.

Уже поэтому ни о какой смене курса Ирана речи не идет и идти не может. Особенно если учесть, что президент Ирана его не определяет.

Тем не менее избрание Рухани — ответ Америке. Тот, которого от Ирана ждал Обама. И это огромный плюс по очкам именно Обаме в его борьбе против имперцев-республиканцев. Максимально лояльный из всех возможных Западу президент Ирана — несомненно, Обама может записать это себе в актив. Его намеки и знаки были услышаны и поняты.

Теперь очередь отвечать за Обамой. И меньшего ответа, чем снятие санкций, в Иране от него не ждут. Только после этого возможен встречный шаг со стороны Ирана. Сегодня он сделал максимум из того, что мог.

При этом все прекрасно понимают, что Обама пытается замириться с Ираном только для того, чтобы обмануть его. Обама знает, что иранцы это знают. И то, что иранцы тоже рассчитывают его обмануть. И тоже знают, что Обама это знает».

«Западные политики, — продолжает эксперт, — приветствуют избрание президентом Ирана Хасана Рухани и немедленно выражают надежду, что это избрание сдвинет с места проблему переговоров по ядерной программе. В принципе, как раз Рухани в 2003 году и сумел договориться с Западом и обеспечил договоренности по программе обогащения. Французский эксперт по Ирану Бернар Уркад напоминает об этом факте: «Политика Ирана

не изменится ни в ядерном вопросе, ни в отношениях с Соединенными Штатами, с Израилем или со странами третьего мира. Стратегия Ирана остается прежней — независимость, исламизм и третий мир. Но способ проведения этой политики сильно изменится».

Я думаю, — продолжает «Эль Мюрид», — что Рухани уже это продемонстрировал в 2003 году, когда в результате переговоров Иран смог продолжить обогащать уран, но под международным контролем. Таким образом, он продемонстрировал, что может договариваться, вместо того чтобы конфликтовать с высшим руководителем Хаменеи. Теперь Рухани будет проводить прежнюю политику в сотрудничестве с Хаменеи. В отличие от Ахмадинежада, Рухани будет проводить политику более сдержанную, более мягкую, но более эффективную.

Таким образом, Иран продемонстрировал, что хочет вернуться к центристской власти, и сделал попытку найти кого-нибудь, кто был бы одновременно близок к духовному лидеру Хаменеи и одновременно способен воспринимать международные политические и экономические реалии. Проблема в том, что в 2003 году Запад был готов договариваться. Готов ли он сейчас или нет — это зависит не от Рухани», — пишет «Эль Мюрид».

Гендиректор Центра по изучению современного Ирана Раджаб Сафаров, для которого победа Рухани, кстати, тоже стала настоящей сенсацией, в чем он признался «Интерфаксу», считает, что Рухани, скорее всего, возьмет курс на восстановление отношений с Западом. «Полагаю, что в любом случае Хасан Рухани и его команда откажутся от курса жесткого противостояния с Западом, который восемь лет подряд проводился при Ахмадинежаде. Плохие отношения с Западом во многом обусловили крайне сложное экономическое положение Ирана и резкое снижение уровня жизни населения», — заявил он агентству. «Решить экономические проблемы без изменения внешнеполитического курса Тегеран не сможет, и поэтому следует ожидать, что Рухани придаст иранской ядерной программе прозрачный характер», — отметил эксперт.

Что касается России, то развитие и углубление отношений с Москвой, скорее всего, станут одним из приоритетных направлений внешней политики нового иранского президента, считает Раджаб Сафаров. «Рухани — прагматик, и поэтому при нем отношения с Россией как минимум не ухудшатся. А скорее всего, следует ожидать проявления интереса со стороны Ирана эти отношения активизировать. Подход здесь прагматический: Россия важна для Ирана в качестве серьезного игрока по решению проблем Каспия, а также для как можно быстрого входа в Шанхайскую организацию сотрудничества. Я лично общался с Рухани. Он хорошо относится к России», — отметил эксперт.

Новый президент Исламской Республики Иран Хасан Рухани, сообщает ИА REX, родился 12 ноября 1948 года в городе Сорхе провинции (остана) Семнан. По национальности — перс. Окончил медресе в городе Кум и юридический факультет Тегеранского университета, в 1972 году получил степень доктора права в Университете Глазго (Шотландия). Занимал ведущие посты в командовании вооруженными силами Ирана во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг.), в 1980–2000 гг. — депутат парламента, в 1992–2000 гг. — вице-спикер иранского парламента, в 1989–2005 гг. —

председатель Высшего совета национальной безопасности, глава делегации Ирана на переговорах с «шестеркой» по иранской ядерной программе, с 1992 года — глава Центра стратегических исследований Ирана, член Совета целесообразности Исламской Республики Иран с 1991 года, член Высшего совета национальной безопасности с 1989 года, член Совета экспертов с 1999 года, кандидат от политической религиозной организации «Общество борющегося духовенства». В молодости Рухани выступал как активный сторонник шиитского духовенства. Он ездил по стране, агитируя против шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, за что неоднократно подвергался арестам. Одно время власти были вынуждены запретить Рухани любые публичные выступления. Чувствуя опасность для своей жизни, он по совету аятоллы Мохаммада Бехештии и аятоллы Муртаза Мутахари на время покинул Иран и за границей продолжил агитационную работу среди иранских студентов. В Париже он присоединился к Рухолле Мусави Хомейни — будущему основателю исламской революции. После победы исламской революции Рухани вернулся на родину.

11 апреля 2013 года Рухани объявил, что будет баллотироваться на пост президента Ирана. Он заявил, что в случае его избрания он подготовит «Хартию гражданских прав», восстановит экономику страны, урегулирует проблему безработицы и занятости молодежи: «Созидая эффективные рабочие места, можно решить экономические проблемы и, следовательно, добиться успехов и прогресса в исламском Иране». В случае своего избрания он обещал повысить зарплаты рабочих на 40% пропорционально росту инфляции. По его мнению, нынешнее положение дел в экономике является результатом экономических, культурных, социальных и политических проблем. Во внутренней политике Рухани выступает за «полифронтальность»: «Мы откроем все замки, которые повесили на жизни людей за последние восемь лет».

Согласно его предвыборным заявлениям, основным приоритетом во внешней политике для Рухани станет улучшение сложных отношений с Западом. В прошедший понедельник вечером он назвал расширение отношений с разными странами мира приоритетом его возможного правительства в будущем. Он уверен в том, что в современном мире невозможно создать стену вокруг Ирана. «Народ Ирана не сдастся перед сверхдержавами мира и не противостоит им, а продолжит путь к эффективным связям», — заявил Рухани. Он призывает к «конструктивному взаимодействию» со всем миром и именно так намерен решить существующие в Иране проблемы и добиваться развития своей страны. Исходя из этого, он намерен добиваться отмены международных санкций против Ирана. Рухани выступает за продолжение переговоров по ядерной проблеме Ирана и верит в то, что в этом деле можно полагаться на европейских лидеров.

«Народ Ирана не сдастся перед сверхдержавами мира и не противостоит им, а продолжит путь к эффективным связям»

Некоторые российские журналисты, наблюдающие за выборами в Иране, поспешили заявить, что на фоне своих соперников по предвыборной гонке Хасан Рухани выглядит «почти реформатором». В отличие от них, большинство западных наблюдателей отмечают, что «реформатором» Рухани может считаться лишь условно. Кроме того, они обращают внимание на то, что определение

главного политического курса страны находится в исключительном ведении аятоллы Хаменеи.

12 июня в ходе своей встречи с избирателями в области Хасан Рухани заявил о своей грядущей уверенной победе уже в первом туре выборов. Тогда это никто не верил. Но самые интересные слова Рухани произнес в конце: «Указания духовного лидера, советы аятоллы Рафсанджани и экс-президента Хатами будут основным капиталом новообразованного правительства. Мы будем пользоваться всеми их советами». Нет ничего странного в этих словах, если они на самом деле сказаны в знак благодарности за поддержку, оказанную ему со стороны двух экс-президентов, отмечает агентство. Страшно будет в том случае, если новый президент на практике станет марионеткой в их руках, потому что, учитывая мстительность многих иранцев, в таком случае в стране могут начаться настоящие преследования политических оппонентов, в том числе и сторонников Ахмадинежада, так как последний является чуть ли не личным врагом Рафсанджани и Хатами! По всей видимости, считает агентство, Рухани будет очень сложно стать независимым президентом, если иметь в виду на порядок укрепившиеся влияние этих политиков на иранское общество после победы того кандидата, который «согласился баллотироваться по их совету». Сложность ситуации для нового президента заключается еще и в том, что кроме этих двух политиков, в Иране имеется немало других влиятельных политических и религиозных деятелей, которые заранее поддержали кандидатуру Рухани на выборах и, следовательно, более чем уверены в том, что «он обязан им». В то же время и духовному лидеру Ирана Хаменеи придется учитывать, что за президентом Рухани стоят голоса более 50% иранцев.

Что же касается реакции внешнего мира на избрание Рухани президентом, то для Ирана она пока в целом позитивная. Комментируя его победу, пресс-секретарь президента США Джей Карни заявил в субботу: «США готовы напрямую общаться с иранским правительством, чтобы достичь дипломатического решения, которое полностью ответит на обеспокоенность международного сообщества относительно ядерной программы Ирана». Напомним, во время предвыборных теледебатов Рухани также выступил за прямые переговоры с США.

К удивлению, ни в одном программном обращении или интервью в ходе предвыборной борьбы Рухани не нашлось места ни одному слову о России. Вместе с тем в этом может быть и некоторый положительный момент — в смысле того, что российскому руководству придется налаживать отношения с новым президентом Ирана «с чистого листа».

Президент России Владимир Путин уже поздравил Рухани с избранием президентом Ирана. А председатель Комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков записал в своем микроблоге в Twitter: «Победа Рухани в Иране сильно затрудняет для США военный сценарий в отношении Ирана. Как можно бомбить страну, где у власти президент-реформатор?»

Впрочем, Россия может и немало потерять, если Рухани удастся договориться с Западом. Ведь в этом случае не исключено, что международные санкции (за которые, кстати, Россия тоже голосовала в Совбезе ООН) против Ирана будут сняты, и тогда иранская нефть снова полноводной рекой польется на Запад. А это неминуемо снизит нынешние мировые цены на нефть, пока еще столь благоприятные для России.

Триумф ходжат-оль-эслама Хасана Роухани

Пятница 14 июня стала триумфальной для Хасана Роухани, одержавшего победу на президентских выборах в Иране. Сокрушительное поражение его соперников, позволившее завершить голосование в один тур, стало сенсацией

Количество голосов, отданных за Хасана Роухани, почти на 6 млн больше, чем за всех остальных пятерых кандидатов, вместе взятых. За него проголосовали 18,6 млн (50,71%) из примерно 37 млн иранцев, явившихся на избирательные участки. Отрыв от мэра Тегерана Мохаммада Багера Галибафа, который занял второе место, набрав 16,56% (6,2 млн избирателей), был астрономический.

Третьим стал Саид Джалили, основной кандидат от радикалов-консерваторов. За него отдали свои голоса 4,2 млн (11,36%). За бывшего главу МИДа Акбара Велаяти, опустили бюллетени 2,3 млн избирателей (6,16%).

И это несмотря на то, что Саид Джалили, как было принято считать, заручился поддержкой самого верховного лидера аятоллы Хаменеи, радикально-консервативного духовенства вкупе со сторонниками Ахмадинежада, военно-промышленного комплекса, элитного Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и курируемых ими СМИ.

В свою очередь, победившему Роухани оказали доверие главным образом рядовые иранцы, придерживающиеся порой диаметрально противоположных политических взглядов, но единые в одном — Ирану нужны перемены. За него проголосовали и либералы-реформаторы, и сторонники «Зеленого движения» и центристы, и клерикалы консервативного плана. Его победа стала поводом к шумному ликованию на улицах: «Да здравствуют реформы!», «Да здравствует Роухани, да здравствуют Хатами и Рафсанджани!» (именно эти два бывших президента призывали иранцев отдать голоса за Роухани).

Но праздник победы сменяется буднями. Перед новым президентом стоят сложнейшие задачи. Главные из них: экономические (выход из предкризисной ситуации и восстановление стагнирующей экономики, в том числе, и внешне-экономических связей), внутривнутриполитические (восстановление баланса между современными запросами общества и исламскими традициями), внешнеполитические (выход из самоизоляции, восстановление отношений с Западом, с соседями и с мусульманами-суннитами), ядерная проблема, решение которой откроет путь и к решению всех трех других из вышеперечисленных задач. Сам Хасан Роухани считает, что готов к их решению:

«Я сформирую кабинет, который восстановит устойчивое развитие экономики, укрепит истинные ценности в обществе и наладит отношения с внешним миром».

Ирану, находящемуся под международными финансово-экономическими санкциями, невозможно выйти из экономического кризиса без отмены этих жестких мер, что, в свою очередь, нереально без решений в ядерной сфере. Роухани придется действовать сообразно предписаниям резолюций СБ ООН и требованиям МАГАТЭ. Он уже предупредил, что готов на компромиссы, но при соблюдении национальных интересов Исламской Республики.

Вести прагматичные переговоры по ядерной программе для Роухани не впервой. До 2005 года в качестве секретаря Высшего совета национальной безопасности он уже договаривался с международными посредникам, и за свою активность получил прозвище «шейх-дипломат». До 2005 года под руководством Роухани Иран сделал позитивные шаги: в одностороннем порядке заморозил процесс обогащения урана, подписал Дополнительный протокол к соглашению с МАГАТЭ и стал его выполнять. Но в 2005 году к президентской власти пришел Махмуд Ахмадинежад, Иран возобновил обогащение, межблис не ратифицировал протокол.

Говоря о внешней политике в целом, Роухани призывает к «конструктивному взаимодействию» со всем миром, и именно так намерен решить существующие в Иране проблемы и добиваться развития своей страны. Он готов улучшить отношения с Западом, вести переговоры с США. Роухани уже дал понять, что в числе приоритетных задач считает преодоление враждебности и недоверия с Саудовской Аравией, принимая во внимание подошедшую к опасной черте из-за событий в Сирии и Ираке рознь между суннитами и шиитами:

«Возвращение к добрососедству и партнерству с Саудовской Аравией обеспечит региональную стабильность, в которой заинтересованы Иран и государства зоны Персидского залива».

Решение сирийской проблемы он видит в приходе «к справедливому урегулированию, которое поддержат все стороны». События в Сирии он назвал «трагедией, которой надо положить конец». Вполне возможно, что при продолжении дипломатической и политико-пропагандистской поддержке режима Башара Асада новый президент постепенно сократит финансовую и военную помощь Дамаску.

С приходом к власти Роухани следует ожидать прекращения жесткой антиизраильской риторики, свойственной Ахмадинежаду. Но разворота навстречу Тель-Авиву не будет в любом случае: антиамериканская и антиизраильская политика — основа идеологии, заложенной еще во время исламской революции аятоллой Хомейни.

Во внутренней политике избранный президент выступает за «полифронтальность» и полагает, что волнения в обществе после президентских выборов в 2009 году вызваны именно тем, что всю власть в государстве сосредоточил в своих руках именно фронт радикалов-консерваторов. Роухани заявляет: «Мы откроем все замки, которые повесили на жизни людей за последние 8 лет».

Он обещал, что разработает «Хартию гражданских свобод», выпустит из тюрем политических узников, в том числе, Мир Хосейна Мусави и Мехди Каруби, лидеров оппозиционного «Зеленого движения», которые уже почти 2,5 года находятся под домашним арестом. Они могут рассчитывать на возвращение в политику.

В условиях иранской демократии, когда по конституции вся полнота власти находится в руках верховного лидера — рахбара, полномочия президента ограничиваются исполнительной ветвью власти. Рахбар дает стратегическое направление политики, а президент занимается тактикой ее проведения. В этих условиях очень важно, какие личные отношения сложатся между президентом и верховным лидером, как тонко, с внесением своих собственных красок будет исполнять генеральную линию верховного лидера президент. Конечно, у него есть своеобразный люфт, в котором глава правительства способен вносить свои личные коррективы. В этих нюансах и будут заключаться особенности действий нового президента. Более того, важный момент, удастся ли новому президенту доказать верховному лидеру пагубность для страны политик предыдущего президента и убедить его в необходимости «нового курса». Но скорого решения всех проблем, стоящих перед Ираном, ждать не стоит.

Вот мнение Елены Дунаевой, политолога-востоковеда, специалиста по иранских проблемам:

«Не нужно однозначно называть Роухани реформатором. Он никогда не состоял в каких-либо реформаторских организациях. Да, он работал при президенте Хатами и выражал поддержку либеральным идеям. И сейчас пришел к президентской власти, позиционируя себя как умеренный кандидат. Став президентом, он заявляет, что в его правительстве будут работать как реформаторы, так и прореформаторски настроенные деятели консервативного фланга. Основной его лозунг — умеренная направленность политики Ирана, в отличие от радикально-исламистской последних лет.

Хасан Роухани выступает за внесение корректив и во внутри- и во внешнеполитический курс страны. Но не стоит ждать каких-либо скорых кардинальных изменений. Очевидно, что резких шагов не будет».

Об этом говорит его огромный послужной список, личные качества и биография. Так, в период ирано-иракской войны он занимал ведущие посты в командовании вооруженными силами Ирана: был членом Высшего совета обороны, заместителем командующего фронта, командующим ВВС и заместителем командующего вооруженными силами. Занимал видные посты в исламских советах — Совете экспертов и Совете целесообразности. В межжисе он возглавлял комитеты по обороне и по внешней политике, был вице-спикером. Возглавлял важнейший Высший совет национальной безопасности (ВСНБ), вел переговоры об иранской ядерной программе с европейскими государствами.

Хасан Роухани родился 12 ноября 1948 года в городе Сорхе остана Семнан на севере Ирана. С 12 лет получал религиозное образование. В 1969 году поступил в Тегеранский университет и в 1972 получил степень бакалавра в области судебного права. Учился в Каледонском университете в Глазго (Великобритания), где защитил диссертацию и получил ученую степень доктора философии (PhD) в области государственного права. Владеет арабским, английским, французским, немецким и русским языками.

Ходжат-оль-эслам (шиитский религиозный титул) Хасан Роухани, безусловно, — яркая, сильная, авторитетная личность. Как проявится его воля, знания, умение лавировать среди внешне- и внутривполитических рифов, покажет будущее. Возможно, не слишком близкое — развернуть уже набравшую ход при предыдущем президенте государственную машину в одночасье в любом случае не получится.

С Роухани готовы сотрудничать

В Иране на президентских выборах победил реформист Хасан Роухани. США и ЕС заявили о готовности сотрудничать с новыми иранскими властями. Сам Роухани призвал мировые державы уважать народ Ирана и его права

На президентских выборах в Иране одержал победу представитель реформистских кругов Хасан Роухани. США и Евросоюз уже заявили о готовности сотрудничать с новыми иранскими властями. По мнению эксперта, Роухани, скорее всего, возьмет курс на восстановление отношений с Западом и выступит за углубление отношений с Москвой.

Напомним, что выборы президента в Иране проходили 14 июня. Известно, что общее количество имеющих право голоса в стране составляет около 50,5 млн человек. Все шесть кандидаты на этот пост были утверждены иранским Советом стражей конституции — специальным надпарламентским органом власти в стране, который контролируется верховным руководителем Ирана аятоллой Хаменеи. Нынешний президент страны Махмуд Ахмадинежад не принимал участия в выборах, поскольку занимал этот пост уже два срока подряд.

Иранцы голосовали на президентских выборах в 96 странах мира. Как сообщил накануне иранский телеканал Press TV со ссылкой на информированные источники, отдали свои голоса на выборах около 80% имеющих право голоса граждан. Известно, что Роухани набрал более 50% голосов в результате выборов. С победой его поздравил верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи.

Как сообщили в воскресенье местные СМИ, новый президент призвал мировые державы уважать иранский народ и его права. «Это великое эпическое событие (выборы главы государства — ИФ) открывает нам новые возможности, и страны, которые выступают за демократию и открытый диалог, должны с уважением относиться к иранскому народу и признавать права Исламской Республики», — сказал он во время первого публичного выступления после победы. «Эта победа ума, сдержанности и прогресса над экстремизмом», — подчеркнул Роухани.

По данным иранских СМИ, десятки тысяч людей вышли на улицы столицы Тегерана. Они размахивали плакатами с изображениями 64-летнего новоизбранного президента и выкрикивали реформистские лозунги.

В воскресенье экс-президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани поздравил народ с демократическими выборами главы государства. «Если у врагов Исламской Республики есть хотя бы толика благородства, то они, несомненно, должны признать, что в Иране прошли самые демократические выборы среди всех стран», — сказал он.

Отметим, что Рафсанджани подавал заявку на участие в выборах, однако она была отклонена Советом стражей конституции Ирана.

Реакция мирового сообщества

Президент России Владимир Путин поздравил Роухани с избранием, сообщила в воскресенье пресс-служба Кремля. В пресс-службе отметили, что Путин «также подтвердил готовность к поступательному развитию взаимовыгодного сотрудничества с Ираном в самых различных областях в интересах обеспечения региональной безопасности и международной стабильности».

Как сообщила в воскресенье британская телерадиовещательная корпорация ВВС, США готовы к переговорам с властями Ирана по вопросу ядерной программы после победы Роухани. В заявлении Белого Дома отмечается смелость иранского народа, изъявившего свою волю при избрании президента.

Со своей стороны Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон пожелала Роухани успехов в формировании правительства и обещала сотрудничать с новым иранским руководством в целях скорейшего дипломатического решения иранской ядерной проблемы. Об этом говорится в распространенном в ночь на воскресенье заявлении главы внешнеполитического ведомства ЕС.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун также поздравил Роухани с победой. «Пан Ги Мун сердечно поздравляет господина Хасана Роухани с победой на выборах», — заявил в коммюнике представитель генсека Мартин Несирки. «Генсек внимательно следил за ходом 11-х президентских выборов в Иране, состоявшихся 14 июня, и с удовлетворением воспринял сообщения о высокой явке избирателей», — говорится в коммюнике.

Несирки также отметил, что Пан Ги Мун призвал нового президента Ирана проводить конструктивную политику при обсуждении международных и региональных вопросов.

Между тем, министр разведки и стратегии Израиля Юваль Штайниц сообщил в воскресенье, что международное сообщество должно и дальше оказывать политическое и экономическое давление на Иран. «Мы должны понимать, что аятолла Али Хаменеи, возглавляющий Исламскую Республику в течение 24 лет, продолжит свой курс, и, следовательно, мы не добьемся значительных изменений в ядерной политике Ирана, если не продолжим оказывать на него давление», — сказал он в интервью израильскому армейскому радио.

По словам Штайница, победивший на выборах Роухани является консерватором, несмотря на то, что его поддержали реформаторы в ходе голосования. «Хасан Роухани считает себя не реформатором, а консерватором. Он был представителем Али Хаменеи в Совете национальной безопасности», — подчеркнул министр.

Мнение экспертов

Гендиректор Центра по изучению современного Ирана Раджаб Сафаров считает, что Роухани, скорее всего, возьмет курс на восстановление отношений с Западом. «Полагаю, что в любом случае, Хасан Роухани и его команда откажутся от курса жесткого противостояния с Западом, который восемь лет подряд про-

водился при Ахмадинежаде (Махмуд Ахмадинежад — ИФ). Плохие отношения с Западом во многом обусловили крайне сложное экономическое положение Ирана и резкое снижения уровня жизни населения», — заявил он в субботу вечером «Интерфаксу».

Он также добавил, что «решить экономические проблемы без изменения внешне-неполитического курса Тегеран не сможет, и, поэтому, следует ожидать, что Роухани придаст иранской ядерной программе прозрачный характер».

Что касается России, то развитие и углубление отношений с Москвой, скорее всего, станут одним из приоритетных направлений внешней политики нового иранского президента, считает эксперт. «Роухани — прагматик, и поэтому при нем отношения с Россией, как минимум, не ухудшаться. А скорее всего, следует ожидать проявления интереса со стороны Ирана эти отношения активизировать. Подход здесь прагматический: Россия важна для Ирана в качестве серьезного игрока по решению проблем Каспия, а также для как можно быстрого входа в Шанхайскую организацию сотрудничества. Я лично общался с Роухани. Он хорошо относится к России», — отметил эксперт.

Сафаров признал, что победа Роухани в первом туре стала настоящей сенсацией, которую не прогнозировал никто.

Глава комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов считает, что при новом президенте Ирана отношения с Россией будут продолжаться в русле практической линии, а принципы политики останутся прежними.

Как сказал Маргелов «Интерфаксу» в воскресенье, победа Роухани, который является умеренным либералом, но, как оговорился сенатор, «по иранским меркам», хоть и была одержана, тем не менее, у проигравших есть возможность оспорить его победу в течение трех дней. «Несмотря на то, что Роухани является умеренным либералом, тем не менее, собственно либералы в выборах даже не участвовали. Однако ждать каких-либо кардинальных изменений в политике иранского руководства в связи с этим не следует, поскольку иранские президенты «вторичны» по отношению к духовному лидеру страны», — подчеркнул он.

Вместе с тем Маргелов заявил, что «новый президент — антипод Махмуда Ахмадинежада, и корректировки курса ожидать следует, поскольку бывший президент оставил непростое наследство». «Прежде всего, это касается тяжелого положения в экономике страны, что, по мнению экспертов, не объясняется одними лишь санкциями», — сказал Маргелов.

По его мнению, новому президенту предстоит ликвидировать наметившееся при Ахмадинежаде охлаждение отношений между светской и духовной частью иранского руководства. «В то же время прогнозировать судьбу «ядерного досье» Ирана трудно — вряд ли здесь возможны прорывы, потому что досье стало чуть ли не национальной идеей этой страны», — отметил он.

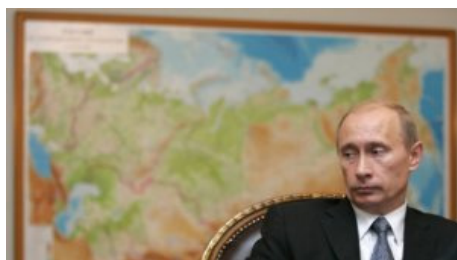
Вместе с тем «наличие в руководстве президента-либерала заставит Запад искать пути мирного разрешения проблемы без намеков на возможные бомбардировки ядерных объектов».

Со своей стороны глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков считает, что избрание Роухани помешает Вашингтону осуществить силовые действия в отношении Тегерана. «Победа Роухани в Иране сильно затрудняет для США военный сценарий в отн.Ирана. Как можно бомбить страну, где у власти президент-реформатор?», — говорится в записи в Twitter Пушкова.

Игорь Панкратенко

Сирия и Иран: «Красная линия» для Путина

Беспрецедентное давление, которое западные «коллеги» Путина оказывают на него в ходе встречи «Большой восьмерки», убедительно доказывает, что при всем многообразии внешних проблем и угроз извне, «сирийский узел» и иранская ядерная программа являются своеобразной «красной линией» для внешней политики России. Главным вопросом, решение которого определит положение нашей страны в мировом сообществе на много лет вперед. Именно в этих двух вопросах решается сейчас главное — проявит ли себя Россия как самостоятельный игрок на международной арене, способный отстаивать собственные интересы или же вновь уступит стратегические позиции в обмен на моральное одобрение Запада. Именно моральное, потому как более ничего и не предлагается. Готовы ли российские элиты к этому вызову? Осознают ли они, что западные «партнеры» откровенно лгут и в любой момент готовы отказаться от взятых на себя обязательств?

Еще год назад, под влиянием прозападных экспертов, оккупировавших традиционные аналитические центры, которые с советских времен готовили доклады «на самый верх», в Москве затруднялись с оценкой ситуации в Сирии. Эти эксперты, деятельность которых идеально попадает под столь критикуемый «Закон об иностранных агентах», навязывали российскому руководству мнение о том, что в Сирии происходит народное восстание против диктатора. «Свержение диктаторских режимов — суть арабской весны» и основная причина «турбулентности на Ближнем Востоке», такими были основные выводы экспертных материалов, такой была главная мысль, звучавшая в выступлениях со страниц газет и с экранов ТВ. Эти же прозападные эксперты уверяли общественность, что поддержка Сирии осложняет отношения России с Западом и США, что режим Башара Асада является «диктаторским и террористическим», что России нужно отказаться от его поддержки и присоединиться к Западу в «сирийском вопросе». Но — времена изменились, три-четыре года назад такая скоординированная информационная атака достигла бы результата, сейчас — нет.

Сегодня в администрации Путина достаточно четко понимают: против Сирии осуществляется агрессия интернациональных салафитских формирований, которые поддерживаются и вооружаются блоком НАТО (в который входит Турция), Саудовской Аравией и Катаром. Стала ясны и интересы Израиля: пользуясь войной в Сирии, Тель-Авив стремится уничтожить движение «Хезболла» и серьезно ослабить позиции Ирана в регионе. И для

достижения этих целей Тель-Авив готов идти до конца. Те же израильтяне фактически в открытую устанавливали на курсах движения российских кораблей разведывательную аппаратуру слежения, которая передавала информацию на командные пункты американских военно-морских сил. А отдельные официальные лица в Тель-Авиве заявляли, что будут атаковать российские корабли, доставляющие оружие легитимному сирийскому правительству.

Одновременно с этим, в Кремле сформировалось понимание того обстоятельства, что агрессия салафитских формирований не остановится на Сирии, она пойдет дальше, следующей целью станет Иран. Ну а потом эта агрессия неминуемо докатится и до российских рубежей — от Кавказа до Центральной Азии. Вопрос стоит предельно жестко — отдать сегодня Сирию означает, что завтра рубеж обороны от салафитской агрессии (за спиной которой стоит Запад) будет проходить уже на российских границах. Столь же принципиально стоит и вопрос об иранской ядерной программе. Позволить Западу под надуманным предлогом (а цена «доказательств», представленных по поводу военной составляющей иранской ядерной программы точно такая же, как достоверность доказательств «применения сирийскими правительственными войсками» боевых отравляющих веществ) сменить режим в Тегеране — означает развязать руки тем, кто стремится к установлению контроля на «шиитском полумесяце». Тем самым, что, вот совпадение, проходит в аккурат по геополитическим зонам, стабильность в которых является одним из условий национальной безопасности России.

Попытки «развода» Кремля по сирийскому вопросу

Российская позиция по Сирии и Ирану сегодня костью в горле стоит у Запада и его союзников в лице монархий Персидского залива. Убедившись, что деятельность прозападного лобби в самой России по изменению позиции российского руководства не дает желаемого результата, операция по «склонению Путина к компромиссу», причем, исключительно на западных условиях, перешла на более высокий уровень.

В Вашингтоне и Эр-Рияде, в Лондоне и Тель-Авиве прекрасно понимают, что поставки российских вооружений в Сирию ставят жирный полумесяц на планах свержения Асада силами «оппозиции». С этим надо что-то делать, и антисирийская коалиция решила реализовать тот же план, который был осуществлен в период президентского срока Дмитрия Медведева и касался поставок комплекса С-300 Исламской Республике Иран. Сначала по неофициальным каналам российскому руководству последовало предложение от саудитов о некоторых политических и финансовых «отступных» за отказ от поставок вооружений в Сирии. Затем, также полуофициально, свою озабоченность высказала израильская сторона и намекнула, что могла бы компенсировать России отказ от вооружения Башара Асада новыми оборонными технологиями.

Трудно сказать, на что рассчитывали Тель-Авив и Эр-Рияд, осуществляя такие зондажные подходы. Ни одно из обещаний, данных Медведеву в 2009—2010 году за отказ от иранского контракта, они не исполнили. А кроме того, повторю, в Кремле сейчас другой Президент, который совершенно по иному смотрит на мир и не испытывает в отличие от своего предшественника

иллюзий на тему российско-саудовской и российско-израильской дружбы. Словом, эти неофициальные предложения наткнулись на твердое нежелание России идти на какие-либо уступки в «сирийском вопросе». И тогда в дело вступила «тяжелая артиллерия» в лице государственного секретаря Джима Керри, который приехал в Москву для личных переговоров в начале мая.

Но проблема данных переговоров изначально заключалась в том, что сегодня США ничего не может предложить России. Москва сделала выводы о том, что все заверения американской стороны о «перезагрузке», о «стратегическом партнерстве» являются пустыми словами, за которыми ничего нет. Москва сегодня прекрасно понимает, кто стоит за анти-путинской оппозицией, кто укрывает бегущих из России финансовых преступников, кто игнорирует мнение Москвы по важнейшим вопросам, связанным, например, с американской системой противоракетной обороны и концентрацией вооружений вокруг российской Арктики и Черного моря.

Поняв, что прямых уступок на переговорах в Москве он не добьется, Керри предложил Путину следующий вариант: Москва и Вашингтон готовят женеvскую конференцию по мирному сирийскому урегулированию (так называемая «Женева — 2»), на которой, в частности, будет дан старт процессу внутрисирийских переговоров. Причем, США берут на себя обязательство обеспечить участие «сирийской оппозиции» в данных переговорах. Кроме того, Керри пообещал, что и США, и Евросоюз до проведения конференции откажутся от эскалации конфликта и поддержки оппозиции в Сирии, а также окажут воздействие на Израиль, чтобы он отказался от вмешательства в конфликт. В обмен на это Керри просил российскую сторону «не торопиться» с решением о поставках С-300 сирийскому правительству. Российская сторона выразила заинтересованность в снижении уровня противостояния, однако, в том, что касается поставок вооружений Башару Асаду прямо заявила, что «будет действовать исходя не из пожеланий американской стороны, а из реального развития ситуации». На этих же переговорах российской стороной был поднят вопрос и об участии Ирана в сирийском урегулировании в качестве одной из сторон, на что американская сторона «обещала подумать».

Еще в ходе переговоров Москва испытывала сомнения в том, что США будут выполнять взятые на себя (пусть и в полуофициальном порядке) обязательства по принуждению «оппозиции» к переговорам. Возникали серьезные опасения, что Вашингтон попытается использовать время до конференции для того, чтобы максимально усилить сирийскую вооруженную оппозицию, насытить ее тяжелым вооружением и, в конечном итоге, под предлогом затягивания конференции, продолжить деятельность по свержению Башара Асада вооруженным путем.

Как оказалось, эти опасения полностью подтвердились. После отъезда Керри из Москвы произошел ряд событий, которые носили откровенный характер вызова российскому руководству. Керри во время переговоров с Лавровым неоднократно подтверждал, что США якобы готовы провести конференцию «Женева-2» и сделать все, чтобы она была результативной. И при этом почти сразу, через несколько дней, во время визита в Иорданию Керри заявлял, что главным требованием остается уход президента Асада, что полностью противоречит самой идее переговоров двух сторон.

Затем последовало заявление «сирийской оппозиции» о том, что переговоры возможны только при условии немедленной отставки Башара Асада, и перехода власти к некоему «временному совету». Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии на встрече в Стамбуле приняла резолюцию, в которой в очередной раз говорится, что основой решения конфликта в Сирии должна быть полная смена власти. Коалиция четко дала понять, что ее условие для начала любых переговоров — отставка Асада. Представитель Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) Халид Салех подтвердил, что его организация не собирается принимать участие в женевской встрече. «Международная конференция по политическому выходу из ситуации в Сирии не имеет никакого значения в свете происходящих массовых убийств», — сказал Салех. А председатель НКСРОС Джордж Сабра заявил, что коалиция не будет принимать участие в какой-либо конференции «пока боевики из Ирана и «Хезболлы» продолжают свое вмешательство в Сирию».

На фоне этих действий уже верхом цинизма прозвучало совместное заявление министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле и госсекретаря США Джона Керри на их встрече в Вашингтоне о том, что решение российских властей о поставках С-300 в Сирию «абсолютно ошибочно», и что якобы это решение «может поставить под угрозу намеченную на середину июня международную встречу в Женеве».

Вот совершенно ясно, что все разговоры о некоей «мирной конференции» — не более чем игра, призванная ввести Москву в заблуждение. И совместное заявление по ситуации в Сирии, которое принято вчера на встрече G-8 в Лох-Эрне, в котором вновь говорится о необходимости «скорейшего проведения мирных переговоров в Женеве» — из той же серии.

Более чем откровенно высказался советник премьер-министра Турции по внешней политике Омер Челик: «В случае провала женевской конференции международное сообщество, как мы полагаем, должно будет принять все необходимые меры для поддержки и защиты оппозиционных сил», особо отметив, что имеет в виду поставки оружия оппозиции. Воля ваша, но создается устойчивое убеждение, что конференция просто обречена на провал, если состоится вообще.

Все разговоры о некоей «мирной конференции» — не более чем игра, призванная ввести Москву в заблуждение

Но самое интересное заключается в другом. Пока идет «развод» России на «компромисс», пока в российских политических элитах еще дискутируют, Запад использует возникшую паузу для накачки «оппозиции» тяжелым вооружением. ЦРУ отлаживает уже не каналы доставки вооружений (это было сделано давно), а создает базы на территории Иордании и Турции.

Иран: тот же плод, только в профиль

Тема Ирана на завершившейся встрече G-8 предметом оживленного обсуждения не стала, однако вопрос об Иране незримо витал в воздухе и накладывал отпечаток на переговоры Путина с остальными «коллегами».

Отдельно ядерной программе российский президент говорил только с Барак-ом Обамой и, как и ожидалось, никакого взаимопонимания в данном вопросе не возникло. Заявление Обамы о том, что дискуссии по Ирану были очень продуктивными, о том, что «мы (с президентом Путиным) выразили осторожный оптимизм по поводу прошедших там выборов и предоставляющей возможности продвигаться вперед в том, что касается диалога, в ходе которого мы сможем разрешить проблемы, касающиеся иранской ядерной программы» — являются совершенно пустыми фразами, употребляемыми в тех случаях, когда хорошего сказать нечего, а правду говорить не хочется.

Да и что можно сказать, когда накануне встречи, в ходе беседы с журналистами канала Russia Today Путин совершенно четко сказал о мирном характере иранской ядерной программы: «То, что Иран соблюдает правила в этой сфере, у меня сомнений нет, потому что нет никаких доказательств, которые бы говорили об обратном». Этим заявлением он полностью перечеркнул все домыслы и инсинуации, в том числе, и «заботливо» вброшенные неугомонным главою МАГАТЭ накануне встречи. Но проблема для российской стороны здесь заключается в том, что Запад (а с его подачи — и российское прозападное лобби) навязывает обсуждение этого вопроса, топтит в болтовне очевидный факт: военной составляющей у ядерной программы Ирана нет!

Только в прошлом году инспектора МАГАТЭ провели 1 356 календарных дней в Исламской республике, истратили 12% ВСЕГО бюджета Агентства на мониторинг иранской ядерной программы — и ничего не обнаружили. Кстати, для сравнения, во Франции, крупнейшей ядерной державе Европы, инспектора МАГАТЭ отработали в минувшем году 180 дней. А в Израиле и не бывали никогда, хотя наличие у Тель-Авива от 200 до 400 единиц ядерного оружия — факт, вызывающий сомнения только уж у совсем дремучих российских «экспертов».

Но вот что примечательно. Эти же «эксперты» вбрасывают российской аудитории и советникам Путина тезис о том, что Иран, якобы, где-то и когда-то угрожал Израилю. Где и когда — точных данных не приводят. Но вот 14 июня, в Конгрессе США рассматривались поправки к закону по оборонной политике (NDAA) на следующий год. И в этих поправках совершенно откровенно говорится о необходимости безотлагательно предоставить Израилю военные материалы (самолеты-заправщики и вооружения) для нанесения удара по Ирану.

В частности, прошла поправка о необходимости оказать всемерную поддержку Израилю в случае возникновения вооруженного конфликта между Тель-Авивом и Тегераном (причем — совершенно не важно, кто будет инициатором данного конфликта). Принята и поправка, которая констатирует существование «незаконных исследований в иранской ядерной программе», что прямо противоречит докладам американского разведывательного сообщества и не подтверждено международными организациями. Наконец, принята поправка, разрешающая Пентагону осуществлять «развертывание персонала и военных ресурсов, а также предпринимать активные действия для противостояния иранскому присутствию в Латинской Америке».

Конечно, данные поправки еще должны пройти Сенат, но сам по себе факт примечательный: Обама говорит о возможности и необходимости перегово-

воров, а Конгресс уже готовит правовую базу для агрессии против Ирана. И, развивая эту мысль чуть дальше — пока Россия избегает однозначных и четких заявлений по Ирану, пока российские политические элиты обжевывают вопросы, подбрасываемые извне, пока российский МИД уповает на «конструктивный диалог всех заинтересованных сторон» — реальные планы США, Запада и Израиля в отношении Ирана наполняются практическим содержанием.

Когнитивный диссонанс и двойные стандарты Запада — далеко не новость, но вот на какое обстоятельство следует обратить внимание. Сегодня этот Запад предлагает России и всему международному сообществу поверить в то, что только он знает, как необходимо решать проблемы Сирии и Ирана. Именно поверить... На слово. Но возможное доверие к его конструктивным возможностям как-то резко падает после небольшого экскурса в последствия западного вмешательства. Кровоточат и истекают гноем терроризма и криминала Сомали, Косово, Ливия, АфПак, Ирак... Те места, о которых Запад заявлял России — «мы знаем как, присоединяйтесь или не препятствуйте». Сирия и Иран — это действительно «красная линия» для России, допустить прорыв которой означает допустить хаос и войну уже на российских рубежах.

Таджикский эксперт: Рухони хорошо знает Таджикистан

Таджикский эксперт говорит, что избрание Хасана Рухани на пост президента Ирана не приведет к особым изменениям во взаимоотношениях Ирана и Таджикистана. Более того, достижения периода правления Махмуда Ахмадинажада могут даже развиваться.

Косими Бекмухаммад, эксперт по проблемам региона говорит, что Хасан Рухони находился на высоких государственных постах и в парламенте Ирана в период правления, по крайней мере, трех президентов — Алиакбара Хошими Рафсанджани, Мохаммада Хатами и Махмуда Ахмадинажад, и хорошо осведомлен о ситуации в Центральной Азии, в частности в Таджикистане.

«Доброжелательность его к Таджикистану известная среди специалистов. Вне официальных связей, близкие к Рухони лица работали с представителями Таджикистана в Центральной Азии, между ними и таджиками, которые находятся за рубежом были хорошие отношения. Поэтому приход Рухани дает шанс Душанбе для придания нового импульса во взаимоотношениях двух стран».

Бекмухаммад говорит, что народы Таджикистана и Ирана объединяют культурные, языковые и исторические связи, и это знакомство, которое имеют друг о друге наши народы, я думаю, с приходом и уходом глав государств не внесут особых изменений во взаимоотношениях Душанбе и Тегерана.

Предыстория «дружбы» двух президентов

Иран с более \$200 миллионами ежегодного товарооборота с Таджикистаном, превратился в важного экономического инвестора этой страны. Иран был первым иностранным государством открывшим 9 января 1992 года свое посольство в Душанбе. В настоящее время в Таджикистане функционирует более 150 иранских компаний, за последние 21 год между странами подписано более 100 соглашений о сотрудничестве.

Наиболее крупнейшими проектами Ирана в Таджикистане являются строительство тоннеля Истиклол(бывший Анзоби) с \$40 миллионами финансовой поддержки Тегерана, строительство второй ГЭС в Сангтуде, в которую Иран инвестировал \$180 миллионов.

Соглашения о строительстве тоннеля и ГЭС были достигнуты еще в период президентства Мухаммади Хатами, но оба проекта больше связывают с именем президента Махмуда Ахмадинажада, который в отличие от прежних лидеров Ирана имел очень дружественные отношения со своим таджикским коллегой Эмомали Рахмоном.

Рахмон и Ахмадинажад

В течение своего 8 летнего пребывания на посту президента Махмуд Ахмадинажад не встречался столько ни с одним президентом, как с Эмомали Рахмоном.

Рахмон также, начиная с 2006 года, всегда с особым желанием спешил на встречу со своим «тегеранским другом».

Таджикистан в обмен на экономическую помощь Тегерана поддерживал Исламскую Республику в его спорах по ядерной программе с Западом, постоянно подчеркивая на необходимости решения этих споров дипломатическим путем. Представители Таджикистана не раз с высоких международных трибун заявляли о праве каждой страны на ядерные технологии, имея в виду, прежде всего Иран.

Конечно среди специалистов шли разговоры, что при таком сближении интересов авторитарной светской системы и жесткого религиозного режима, который имеется в Иране, Тегеран в обмен на экономическую помощь должен был стимулировать некоторое смягчение антирелигиозной политики. Другая группа, особенно религиозных радикалов выражала обеспокоенность возможностью появления в суннитском Таджикистане шиитских проповедников и Ирана.

Во всяком случае именно в период правления Ахмадинажада полностью изменился недружественный взгляд Душанбе в отношении Тегерана (это было связано с поддержкой Исламской Республикой исламской оппозиции правительства Эмомали Рахмона в период гражданской войны в 90-ые годы), превратив Иран в важного союзника на региональном и мировом уровне.

Торжественное открытие тоннеля Истиклол в 2006 году прошло в присутствии Ахмадинажада и Рахмона. Как ожидалось официальный пуск второго агрегата Сангтудинской ГЭС — 2 с участием Махмуда Ахмадинажада станет венцом его 8 летнего сотрудничества с Рахмоном. Однако это мероприятие несколько раз откладывалось и теперь с избранием нового президента в Иране стало ясно, что эта корона украсит Хасана Рухани.

Наблюдатели говорят, что возможно, Хасан Рухани не будет демонстрировать столь близкой дружбы как Ахмадинажад с Рахмоном, но как человек действия и знающий о ситуации в Таджикистане, сохранит позиции Ирана в этой стране. С другой стороны, оба основных проекта Ирана в Таджикистане — тоннель Истиклол и Сангтуда-2 были ростками, которые были посажены в период реформаторов в Иране, но плодами их пользовался консерватор Ахмадинажад.

Не смотря на высокие слова о дружбе и братстве и многочисленные встречи, за эти 8 лет не было практически подписано ни одного крупного соглашения между Ираном и Таджикистаном, которое могло бы остаться в память об этом периоде. Конечно, одной из причин этого являются увеличивающиеся международные санкции в отношении Ирана, которые не хочет отказываться от своих ядерных программ. Но посмотрим, какие новые ростки появятся в саду сотрудничества двух стран с единым языком, с приходом Хасана Рухани, человека склонного к реформам и близкого к реформаторским кругам.

И один урок выборов Ирана...

Одним из уроков выборов Ирана для нашей страны, по словам собеседника, заключается в том, что пока вот уже 21 год в Таджикистане руководит один человек — Эмомали Рахмон, в Иране уже приходит к власти четвертый президент. То, что, по словам собеседника, поучительно и для Таджикистана.

Насрин Вазири

Радужная перспектива ядерных переговоров с приходом к власти «шейха-дипломата»

После выбора Хасана Роухани президентом Ирана не прошло и недели, как начал таять лед дипломатических отношений этой страны с внешним миром. Уже само по себе это позволяет надеяться на радужные перспективы следующего раунда переговоров по ядерной проблеме.

Еще на стадии предвыборной кампании в Иране показывали рекламный ролик Роухани под названием «Шейх-дипломат». В нем были запечатлены моменты, когда в период руководства Роухани иранской делегацией на ядерных переговорах представители Великобритании, Франции и Германии стоят в очереди, чтобы пожать ему руку. После выборов эти государства первыми поздравили с победой избранного президента и выразили надежду на установление конструктивных отношений с мировым сообществом и решение таких ключевых вопросов, как ядерная проблема Ирана и сирийский кризис.

Экс-министр иностранных дел Великобритании Джек Строу так охарактеризовал в Daily Telegraph нового иранского президента: «Роухани — человек очень воспитанный, уважаемый и сознательный. Он часто улыбается, но при этом на него невозможно как-то повлиять». Кстати, самого Роухани иранские консерваторы очень часто критиковали за излишнюю любезность с бывшим главой британского МИДа.

В свою очередь, президент Франции Франсуа Олланд изменил свою прежнюю позицию и согласился с присутствием иранской делегации на Женевской конференции по Сирии. К тому же официальный представитель министерства иностранных дел этой страны Филипп Лальо заявил, что его страна убеждена в возможности дипломатического решения ядерной программы Ирана. Не осталась в стороне от этого процесса и Россия, которая потребовала сократить санкции Запада против Исламской республики. Свое поздравление Роухани направил и генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, который, кроме этого, призвал Иран играть конструктивную роль на региональном и мировом уровне. Лидеры «большой восьмерки» также обратились к Роухани с просьбой улучшить отношения Ирана с мировым сообществом.

Продолжение переговоров после вступления в должность Роухани

«Мы готовы к переговорам с Тегераном», — объявил генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Юкия Аmano после победы Роухани на президентских выборах. Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон точно также заявила о своем серьезном намерении сотрудничать с новым президентом Исламской республики в целях скорейшего разрешения дипломатическим путем ядерной проблемы Ирана.

Хотя Россия и Китай призывают возобновить переговоры с Ираном, вряд ли это удастся сделать при формальном сохранении прежнего иранского правительства вплоть до инаугурации президента Роухани, назначенной на 3 августа. Очевидно, иностранные участники переговоров условились продолжить обсуждение проблемы уже с новым правительством Ирана, которое должен возглавить бывший представитель Тегерана на ядерных переговорах. При этом кажется сомнительным, что главным переговорщиком с иранской стороны останется все тот же генеральный секретарь Высшего совета национальной безопасности Саид Джалили, также баллотировавшийся на выборах президента. Такой вывод позволяет сделать то, что еще на предвыборных теледебатах оба политика продемонстрировали свои разные позиции по ядерной проблеме. В целом, прошлые и нынешние иранские руководители переговорного процесса жестко критикуют друг друга. Одни обвиняются в реакционности, другие в том, что так и не смогли достичь никакого результата.

Вероятно, именно по этой причине заместитель министра иностранных дел России выразил надежду на продолжение переговоров «шестерки» с Ираном после того, как Роухани официально вступит в свою должность.

Результаты выборов в Иране: недовольство Израиля и радость США

По всей видимости, сионистский режим недоволен результатами голосования в Иране, о чем неоднократно давал понять в течение прошедшей недели. На следующий день после победы Роухани израильская газета Haaretz в одном из своих аналитических обзоров написала: «С приходом к власти в Иране умеренного президента, задача Нетаньяху усложнится». В следующие дни израильские СМИ настолько увлеклись анализом сложившейся ситуации, что стали считать окончание президентства Ахмадинежада и победу на выборах Роухани основанием для новых антииранских мер Тель-Авива.

Несмотря на то, что Соединенные штаты и Израиль считаются союзниками по дипломатии, в отношении Ирана их позиции расходятся. Если еще до выборов Тель-Авив призывал к войне с Ираном, то Вашингтон предпочитал затягивать переговоры и вводить все новые санкции. Сейчас у союзников опять нет единого мнения. Спу-

Несмотря на то, что Соединенные штаты и Израиль считаются союзниками по дипломатии, в отношении Ирана их позиции расходятся

стя всего лишь несколько часов после объявления результатов голосования в Иране Белый дом заявил: «Мы уважаем решение иранского народа и поздравляем его». Вслед за этим глава администрации Белого дома Денис Макдана в интервью телеканалу CBN сказал, что «победа на выборах Роухани потенциально вселяет надежду».

Между тем, британская Guardian написала, что с избранием президентом Роухани наступило время изменения позиции США в отношении Ирана. Еще дальше пошел один из бывших участников переговорного процесса Хусейн Мусавиян, который заявил арабской газете Al Monitor, что президент США Барак Обама должен поздравить Роухани с победой на выборах и сделать акцент на продолжении ядерных переговоров.

С другой стороны, министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи в интервью ливанскому телеканалу Al Mayadeen сообщил о косвенных намеках США начать с Ираном двусторонние переговоры и отметил, что благодаря приходу к власти Роухани, в отношениях Исламской республики с Западом будут созданы новые стимулы.

Все эти сообщения позволяют разным СМИ как в Иране, так и за его пределами допускать вероятность прямых переговоров Тегерана и Вашингтона после официального начала президентства Роухани. Некоторые журналисты берутся даже утверждать, что «Хасан и Хусейн», то есть Хасан Роухани и Хусейн Барак Обама, пожмут друг другу руки. (Кстати, религиозные по природе иранцы связывают образы Хасана и Хусейна с внуками и преемниками пророка Мухаммеда, вторым и третьим шиитскими имамами.)

Андрей Николаев

Иранское эхо на границах России

Результаты всенародных выборов президента Ирана изумили всех — и в собственно Исламской Республике, и за ее пределами. Иранская пресса пишет о сокрушительном разгроме консервативных кандидатов в президенты реформатором Роухани и анализирует причины их поражения. Впрочем, анализировать уже поздно. Главное теперь — что ждет Иран с новым президентом, как повлияет его избрание на региональные и глобальные геостратегические расклады, включая военные и энергетические.

В этой связи небезынтесен краткий бэкграунд деятельности 64-летнего Роухани, оказавшегося единственным священнослужителем среди шести кандидатов в президенты Ирана, но при этом считающимся человеком светским и реформатором. Он не был ни ярким оппонентом режима, ни выраженным либералом, а, тем более, западником — такого к выборам в Исламской Республике просто бы не допустили. Хотя Роухани обещал освободить политзаключенных, говорил о тяжелом экономическом положении страны и необходимости восстановления дипломатических отношений с США.

Роухани считается в Иране серьезным политическим экспертом. Богослов и правовед, он защитил докторскую диссертацию в Каледонском Университете (Великобритания). Владеет русским и несколькими европейскими языками.

Третье десятилетие он возглавляет иранский Центр стратегических исследований; дважды избирался депутатом меджлиса (парламента), был его спикером. Кроме того, вновь избранный президент занимал должность секретаря Совбеза. Во время президентства Хатами именно Роухани представлял Иран на переговорах по ядерной проблеме.

На победу Роухани сразу же отреагировал чуть ли не весь мир. США заявили о готовности к сотрудничеству с Ираном по вопросу ядерной программы и отметили «смелость» иранского народа в выборе. Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон пожелала Роухани успехов в формировании правительства и обещала сотрудничать с новым иранским руководством в целях скорейшего дипломатического решения иранской ядерной проблемы. Владимир Путин подтвердил готовность России «к поступательному развитию взаимовыгодного сотрудничества с Ираном в самых различных областях в интересах обеспечения региональной безопасности и международной стабильности».

По мнению многих экспертов, теперь Роухани возьмет курс на восстановление отношений с Западом, то есть откажется от политики жесткого противостояния, включая ядерную проблематику. Что же касается России, то ожидается, что новый иранский президент проявит больше рвения к активизации сотрудничества с Москвой, чем его предшественник, имея в виду неурегулированный статус Каспия, региональную безопасность и вхождение в ШОС.

Напомним, что до сих пор Тегеран и Москва были союзниками в споре вокруг раздела акватории Каспийского моря. Их общая позиция на сегодня заключается в том, что, помимо территориальных вод пяти стран, граничащих с Каспием, там должны быть нейтральные воды, любая экономическая активность в которых должна быть предметом консенсуса. Простив этой позиции выступают Азербайджан, Туркмения и Казахстан. Они выступают за тотальный раздел моря, поскольку заинтересованы в прокладке газо- и нефтепроводов по дну Каспия из Средней Азии на Запад через Баку и Тбилиси. Разумеется согласования этих «экологических» вопросов с Москвой и Тегераном им ни к чему. На международном уровне позицию этих трех стран активно лоббируют США и ЕС, чьи компании заинтересованы в транспортировке углеводородов Каспия в обход России.

На суше Иран прямо граничит с Арменией и Азербайджаном, обладая широкими возможностями влиять на крайне напряженную ситуацию в Закавказье. И здесь в первую очередь важно, как будут развиваться отношения Тегерана и Баку. При Ахмадинежаде они были весьма конфликтными — режим Ильхама Алиева обвинял иранцев в попытках дестабилизировать ситуацию в стране и прозрачно намекал, что в случае израильско-американской атаки на Иран Азербайджан выступит одним из плацдармов, претендуя в награду на присоединение обширных северных территорий Ирана, населенных азербайджанцами. На фоне этого конфликта Россия, имеющая военную базу в изолированной Армении, вероятно, может рассматривать Иран как один из потенциальных коридоров для сухопутной доставки тяжелых грузов.

Изменится ли здесь что-то в связи с победой Роухани? Если исходить из интересов главных игроков в регионе (а они стабильны на протяжении столетий), то вряд ли.

Рейтинг целей Запада в регионе диктуется долгосрочными стратегиями сдерживания Китая и России. В порядке убывания актуальности эти цели выглядят на сегодня так. 1) Взятие под контроль иранской нефти и путей ее доставки, чтобы иметь возможность быстро обескровить главного ее потребителя — Китай; 2) Прямой доступ к каспийской нефти и среднеазиатскому (туркменскому) газу, чтобы не дать Китаю возможность быстро компенсировать перекрытые иранские поставки; 3) Лишить Россию выхода к Каспийскому и Черному морям, оттеснив ее на север. Арсенал средств достижения этой цели включает экспорт перманентной «мятежевойны» из Афганистана в Среднюю Азию и сепаратизм на Северном Кавказе с постепенным выдавливанием русских жителей Ставропольского края, Кубани, Ростовской и Астраханской областей радикально настроенными выходцами из разложившихся на мелкие этнические фракции северокавказских республик.

Как считают наблюдатели, Роухани сохранит добрососедство с Грузией и Арменией. Как будут складываться отношения с Турцией и Азербайджаном, сказать трудно: это во многом зависит от действий США и Израиля, чьими клиентами являются Анкара и Баку.

Интересы Ирана и России в Закавказье, как и на Каспии, совпадают хотя бы потому, что оба игрока стремятся сохранить региональный статус-кво. Но в абсолютную благостность отношений Москвы и Тегерана верят не все. В частности, ученый секретарь Координационного совета РАН по прогнозированию Владимир Евсеев в беседе с РИА «Новости» заявил, что российским властям будет непросто выстроить дипломатические отношения с новым президентом Ирана.

«Приход к власти в Иране Роухани — лучше для Запада, чем для России. В его политике, в его действиях нет очевидности. Речь не идет об антироссийской политике, с ним будет просто сложнее развивать отношения», — говорит эксперт.

Руководитель российского Института стратегических оценок Александр Коновалов полагает, что «перемены будут, но не совсем такие, которых бы нам хотелось. Они будут, прежде всего, касаться улучшения отношений с Западом, вывода Ирана из тяжелого экономического положения, в котором он находится, несмотря на огромные углеводородные богатства. Ирану надо уходить из-под санкций».

Между тем, судя по израильской прессе, особого доверия военное руководство этой страны к Роухани не испытывает. Многие эксперты не ждут «сердечных» отношений между Ираном и США априори, и поэтому Тегеран по-прежнему будет нуждаться в Москве в контексте откровенной и естественной борьбы с Вашингтоном. Соответственно, Россия сохранит Иран в качестве союзника в регионе с дальнейшим укреплением собственного влияния. Так что, даже если отношения Тегерана с Западом несколько улучшатся, России и Ирану предстоит танцевать все тот же танец, но уже под новую, более тонкую музыку.

Однако, помимо России и Ирана, в регионе имеется еще один крупный игрок. Турция, чьи интересы на данном этапе совпадают с планами Запада, стремится в той или иной форме восстановить Османскую империю, наращивая влияние на Ближнем Востоке, в Черноморье, на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. И сегодня СМИ этой страны задаются вопросом, чем обернется для Турции возможная нормализация отношений между Ираном и Западом.

«В глазах наших западных союзников Турция утратит свое значение», — бьет тревогу турецкое издание Radikal. Оно также опасается, что турецкий проект «становления региональной силы» провалится — с оговоркой: «если ситуация в Турции не изменится». «Если Иран стремится к нормализации, то и Турция должна незамедлительно европеизироваться», — резюмирует издание. Впрочем, надо отдавать себе отчет, что османская реставрация — тектоническое следствие распада СССР, и потому почти не зависит от исхода борьбы между кемалистами и исламистами внутри самой страны.

Как бы там ни было, сегодня практически все эксперты сходятся в следующем: победа Роухани позволит Ирану избежать войны, как минимум, в ближайшей перспективе.

Игорь Панкратенко

Шейх дипломатии

«Шейхом дипломатии» Хасана Рухани газета «Shark» назвала в 2003 году, еще в бытность его секретарем Высшего совета национальной безопасности. И вполне заслуженно, потому как в этот год иранская дипломатия сделала максимум возможного для того, чтобы американская агрессия в Ирак и Афганистан не разползлась дальше и остановилась на границах Исламской республики, как ни подталкивали администрацию Буша израильтяне и саудиты к продолжению «ближневосточного блицкрига». Взвешенные и четко скоординированные действия всех иранских ведомств, причастных к формированию внешней политики, полное единство в понимании целей и задач Исламской республики на международной арене, которое существовало между Верховным лидером и Хасаном Рухани, позволило Ирану не только обезопасить себя от «демократизации и переформатирования», но и существенно расширить свое влияние в регионе. Сегодня Хасан Рухани стал президентом. И хотя именно Рахбар определяет внешнеполитический курс Исламской Республики, именно ему принадлежит решающий голос в важнейших вопросах, деятельность президента Рухани безусловно будет серьезно влиять на международное положение Ирана. Что ляжет в основу его курса? Какими будут шаги «шейха дипломатии» на международной арене?

Выиграв выборы с более чем убедительным результатом, Рухани получил более чем серьезный кредит доверия иранского общества. Причем, иранцы проголосовали за нового президента не только на избирательных участках, но и в финансовой сфере. Накануне выборов курс национальной валюты по отношению к доллару США составлял 38 000 риалов за доллар. Через пять дней после выборов курс на неофициальном рынке составил уже 31 500, а в минувшее воскресенье показал рекордный результат — 28 000 риалов за доллар.

И в эти же дни, а точнее — 14 июня, иранское общество достойно ответило тем, кто поторопился заявить о «победе либералов». Надежды на сокрушительное поражение «иранских консерваторов» вообще и «команды Рахбара»

в частности оказались сильно преувеличены. В этот же день в Исламской Республике, что осталось в тени для масс-медиа, прошли не менее значимые для Ирана выборы в городские и сельские Советы, представительские органы местного самоуправления. По итогам этих выборов кандидаты от «консерваторов» набрали от 60 до 67%, что полностью опровергает тезис о повороте иранского общества к «либеральным ценностям» в западном их понимании.

Иранское общество, пропитанное традициями «мягкой силы», взвешенности, бережного отношения к балансу интересов, в очередной раз сохранило этот самый баланс — приоритет мягкой силы, неприятие алармизма во внешней политике и следование сохранению ценностей Исламской Республики в политике внутренней. И еще одно обстоятельство. Внешняя политика Тегерана формируется не в результате некоей «врожденной злокозненности» иранского руководства, а как вполне адекватный ответ на ту «турбулентность», то самое пресловутое «переформатирование», которое Вашингтон с грацией слона в посудной лавке запустил на Ближнем и Среднем Востоке с 2001 года, после вторжения в Ирак и Афганистан. Именно ответ на эти угрозы и вызовы составляет суть внешнеполитического курса Исламской Республики. И вполне очевидно, что новый иранский президент в первую очередь будет действовать в том «коридоре возможностей», которые формировались противниками Ирана. Другое дело, что и этот коридор, как не пытались бы его сузить участники антииранской коалиции (не оформленной юридически, но существующей как данность реал-политики), позволяет осуществить успешные прорывы, которые при совместных усилиях Верховного лидера и «шейха дипломатии» вполне возможны.

Исламская Республика, США и ядерная программа

Избрание Рухани президентом создает существенные трудности для той части политической элиты США, которая, во-первых, тесно связана с израильским и саудовским лобби, а, во-вторых, настаивает на силовом решении «иранского вопроса». Позиция Рухани по ядерной программе Исламской Республики известна давно: открытость этой программы мировому сообществу и подконтрольность ее международным организациям, приостановление 20%-го обогащения в случае гарантированного предоставления урана извне для медицинских и исследовательских целей. На эти шаги готов Верховный лидер, сделать такое предложение готов новый иранский президент. При двух обязательных условиях — признание права Ирана на реализацию мирной ядерной программы и отмена как международных, так и односторонних санкций.

Более чем прав Пол Пиллар, специалист по Ближнему Востоку, где пять лет (с 2000 по 2005 годы) прослужил офицером ЦРУ, который считает, что «избрание Рухани является серьезным тестом для Соединенных Штатов, проверкой искренности их намерений к переговорам с Ираном, проверкой правдивости заявлений администрации о готовности к мирному диалогу с Тегераном». Собственно, большинство трезвомыслящего экспертного сообщества на Западе вполне обоснованно считает, что избрание Рухани открывает для США новые возможности для нормального диалога. Проблема лишь в том, что часть американской политической элиты такой диалог не

приемлет категорически и будет делать все для его срыва. Израильскому и саудовскому лобби нормализация отношений США и Ирана тоже серпом по рейтингу, и можно только догадываться, какие ресурсы, от финансов до провокационных действий спецслужб будут задействованы, чтобы диалог не состоялся.

Но проблемы американо-иранских отношений ядерной программой не исчерпываются. Не перестану повторять, что отношений вокруг этой программы — это не более чем индикатор степени напряженности в вопросах более глобальных — в геополитическом противостоянии Тегерана интересам США в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии. Парадокс заключается в том, что сегодня Вашингтон не может решить ни афганскую, ни сирийскую проблему без учета иранских интересов. Десятилетие создавая образ Ирана как страны-изгоя, «угрозы миру», США сами загнали себя в ловушку. С одной стороны, сесть за стол переговоров с тем, кто рассматривается Вашингтоном как наиболее вероятный противник и цель вооруженной агрессии — весьма проблематично, а с другой стороны, добиться восстановления разрушенного баланса на Ближнем Востоке без Ирана никак не получается.

Реалией сегодняшнего дня является раскол американской элиты по отношению к Ирану. Подковерная борьба сторонников силового решения и сторонников диалога в Вашингтоне не прекращается ни на один день. Чак Хейгел, ни разу не «голубь мира», но и он прекрасно понимает, что военный конфликт с Исламской Республикой даже в случае военной победы обернется геополитическим поражением США, да еще и с неприемлемым для Америки уровнем потерь. Поэтому на днях он открыто заявил о необходимости диалога с Ираном. А госсекретарь Джон Керри сейчас занят укреплением антисирийской (то есть — антииранской) коалиции.

Нет никаких сомнений, что Рухани в отношениях с США использует существующие в американской политической элите противоречия по максимуму. Его преимуществом является то обстоятельство, что США сами ограничили себя в дипломатическом маневре, сделав упор на тотальные калечащие санкции, и по инерции продолжая их усиливать. В тоже время у Верховного лидера и нового иранского президента достаточно конструктивных предложений по урегулированию региональных конфликтов, в которых вязнет Вашингтон. А главное — у них в руках внешнеполитический потенциал, позволяющий осуществить это урегулирование не на словах, а на деле.

«Напряженный» Тель-Авив

Собственно, опасения израильского руководства, которые озвучивали официальные лица Тель-Авива сразу после выборов, сводятся к тому, что избрание Рухани, его взвешенность в словах и оценках, лишают Израиль целого ряда пропагандистских козырей. Как написал после президентских выборов в Иране один из израильских оппозиционных политиков: «Я выражаю свои соболезнования израильскому правительству... Ахмадинежад был превосходной пропагандистской картой для оправдания воинственности Израиля и нежелания израильского правительства заниматься внутривнутриполитическими проблемами... Избрание умеренного Рухани — это удар по экстремистам в руководстве Израиля, которым теперь придется отказаться от запугивания».

Кроме того, в Тель-Авиве прекрасно отдают себе отчет, что никакой Рухани не либерал. «Давайте не будем обманывать себя», — откровенно сказал на недавнем заседании израильского кабинета Нетаньяху, — «следует помнить, что иранский верховный лидер с самого начала не допустил на выборы тех, кто не разделяет его взгляды. А те, кто был допущен к участию в избирательной кампании, разделяют взгляды Хаменеи на Израиль как «сионистского сатану». Еще Нетаньяху напомнил, что избрание шестнадцать лет назад Мохаммада Хатами, которого тоже считали умеренным, никак не повлияло на «агрессивную политику Ирана в отношении Израиля».

Историческая память израильского премьера — дело хорошее. Но она присутствует не у одного Нетаньяху, вот ведь в чем проблема. Мы можем вспомнить, что в 1993 году Нетаньяху утверждал, что «агрессивный Иран» создаст собственное оружие через три года, максимум — через пять лет. И можем вспомнить интервью французскому телеканалу тогдашнего министра иностранных дел Израиля Шимона Переса, ныне президента, в котором он предрекал появление ядерного оружия у Ирана в 1999 году. Прогнозы не сбылись, бомбы у Исламской Республики до сих пор нет, что является самым весомым аргументом сдержанности иранского руководства. Чего тогда стоят непрекращающиеся «предостережения», которые Тель-Авив изливает на международную общественность с завидным постоянством?

Политический обозреватель Рон Бен Ишай, комментируя итоги выборов заметил, что эпатажирующие заявления Ахмадинежада, его отрицание Холокоста и «шиитский фанатизм» пугали арабские государства и Запад, поневоле заставляли их быть союзниками в антииранской коалиции. Теперь, с приходом Рухани, это преимущество утрачено. А вот болевая точка, которую иранской дипломатии удалось нащупать у Израиля, осталась. Речь идет о ядерном арсенале Тель-Авива. Инициатива Тегерана, впервые прозвучавшая еще в 2006 году с подачи Рухани, о «безъядерном Ближнем Востоке» больно бьет именно по Израилю. Идея ядерного разоружения в регионе, с необходимостью которого, пусть и по разным причинам, охотно согласятся и Египет, и монархии Залива, вполне может стать сильным ходом «шейха дипломатии» для того, чтобы блокировать израильскую политику «необъявленной войны» против Ирана.

Шейх дипломатии и монархи Персидского залива

Сегодня перед Вашингтоном в полный, что называется, рост встала проблема неконтролируемости одного из инструментов внешней политики США — салафитского экстремизма. Америка со времен советского присутствия в Афганистане взращивала террористические группировки, прикрывавшиеся Исламом. Но на каждый американский доллар приходилось 2-3 доллара из саудовских фондов и бюджетов всевозможных организаций, пропагандирующих экспансию некоего «единственно верного толкования Ислама». США рассматривали создаваемые организации моджахедов как послушных марионеток, которые будут действовать в строгом соответствии с заданиями своих кураторов. Но лидеры этих организаций смотрели на ситуацию совершенно по-другому. Они считали американцев не более чем временными попутчиками, ходячими кошельками, которых нужно использовать, но потом — не просто «кинуть», а еще и обратить против них амери-

канское же оружие и навыки, полученные от американских инструкторов.

Взрывы в Бостоне, классическая ситуация вышедшего из-под контроля агента, заставили здравомыслящую часть политической элиты США по-иному взглянуть и на оборотную сторону стратегического партнерства с Саудовской Аравией и остальными монархиями Персидского залива. «Внезапно» выяснилось, что монархи-союзники, лояльность которых никогда не подвергалась сомнению, уже давно ведут собственную игру, цели которой далеко не всегда совпадают с целями США. Саудовская Аравия претендует на гегемонию в умме, подкрепляя свои претензии финансированием террористических формирований, создавая надгосударственную и наднациональную «армию Джихада» и разжигая суннито-шиитское противостояние. Но столь же очевидно, что управлять этой армией она не сможет. И куда пойдет пламя разжигаемого конфликта? Может ли этот конфликт быть «управляемым»? Проблема для США заключается в том, что уравновесить гегемонистские устремления саудитов может только сильный Иран и его контроль над «шиитским полумесяцем», который сегодня кровотоцит от Багдада до Исламабада.

Есть и еще одно обстоятельство. Выпущенный из кувшина джинн «войны за новый Халифат» собственно, сметает на своем пути все. В том числе — он создает уже реальную угрозу физическому существованию монархических династий Персидского залива. То, что необходимо остановиться — постепенно доходит до остальных монархов. Именно поэтому интеграционные проекты Саудовской Аравии в отношении ССГ не встречаются сегодня понимания у остальных участников Союза, а то и откровенно саботируются. Да и внутренне положение в Королевстве заставляет династию задуматься о сдержанности. На своей пресс-конференции 17 июня Хасан Рухани открыто пригласил саудитов к диалогу, назвав Саудовскую Аравию «братской страной», напомнив об успешном диалоге по вопросам безопасности, имевшем место в 90-годы.

Приглашение было сделано не в пустоту, достаточно вспомнить, что совсем недавно в интервью *Der Spiegel* принц Турки аль-Фейсал, являющийся реальным творцом внешней политики Королевства еще с 80-х годов прошлого века, отметил, что атака на иранские ядерные объекты обернется геополитической катастрофой на Ближнем Востоке. Очевидно, что приступ миролюбия и здравомыслия случился у принца не на пустом месте. Великолепный аналитик, мастер многоходовых и головокружительных политических интриг, он прекрасно понимает, что Ирану, при необходимости, не составит большого труда устроить хаос в монархиях Персидского залива, используя для этого свои позиции у шиитской части населения. В понимании этого факта лежит залог мирных переговоров между Эр-Риядом и Тегераном, предложение о которых «шейх дипломатии» сделал всего через три дня после своего избрания президентом.

Международная деятельность нового иранского президента, внесение им согласованных с Верховным лидером корректив во внешнюю политику Ирана будет отнюдь не простой задачей. Более того, как недавно написал

Раджаб Сафаров, глава Центра изучения современного Ирана, Хасан Рухани, мудрый и высокообразованный человек, очень хорошо представляет себе современные тенденции мировой политики и, как раз пикантность ситуации заключается в том, что при этом он остается «продуктом консервативного мышления и философии ислама, самым настоящим воином Исламской революции». Ближний Восток вступил в новый этап кризиса, плавно наступивший после «арабской весны». «Сирийский узел» и разжигаемое суннито-шиитское противостояние, американское военное присутствие в регионе, гегемонистские устремления Саудовской Аравии и стремление Израиля под шум большого пожара решить собственные задачи, создают клубок противоречий, которые Ирану будет трудно распутать в одиночку.

Не случайно, еще в 2009 году Рухани, будучи президентом Центра стратегических исследований государственного Совета по целесообразности, отмечал особое значение России и российско-иранского стратегического партнерства в деле обеспечения безопасности региона. Тогда же он писал, что «высказываемые в Иране мнения о том, что Россия использует «иранскую карту» для того, чтобы решить собственные проблемы с Западом, добиться сближения с США — являются поверхностными... Отношения между Москвой и Тегераном более сложны, чем представляют себе сторонники этой точки зрения». Но глубина и сложность этих отношений — тема отдельного разговора, отдельной статьи, которая, надеюсь, появится на Иран.ру в ближайшее время.

Сейчас, в рамках данного материала, необходимо сказать немного о другом. Коррективы в иранской внешней политике, новый рисунок дипломатических комбинаций является объективной необходимостью. Данные коррективы согласованы с Верховным лидером Али Хаменеи, и ни в коем случае не будут носить характер неких односторонних уступок. Принципами нового президента Ирана Хасана Рухани на всем протяжении его политической деятельности всегда были взаимное уважение, равноправие участников диалога и учет взаимных интересов. Судя по всему, изменять этим принципам «Шейх дипломатии» не намерен.

Мохаммад Фаразманд

Трудное наследство напряженных отношений с арабскими государствами

Новый президент Ирана Хасан Роухани хорошо знаком в арабских странах, особенно тех, которые граничат с Ираном. Как он сам сказал на своей первой пресс-конференции, именно благодаря его усилиям в 1998 году было подписано соглашение о безопасности между Ираном и Саудовской Аравией. Роухани также пользуется поддержкой бывших президентов Исламской Республики Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и Мохаммада Хатами, которые по-прежнему у арабов на высоком счету. Новый иранский президент — прирожденный дипломат, к тому же после Исламской революции 1979 года ему приходилось заниматься исключительно внешней политикой. Он сильно отличается от пока еще формально действующего президента Махмуда Ахмадинежада, который на момент прихода к власти не располагал сильной командой внешнеполитических стратегов. Дипломат Роухани имеет опыт работы со всеми выдающимися иранскими дипломатами, поддерживая с ними связи в период своего руководства Стратегическим центром при Совете целесообразности.

Другим преимуществом нового президента можно считать то, что на президентских выборах 14 июня иранские граждане выразили свое несогласие с внешнеполитическими методами правительства Ахмадинежада. Причем это проявилось не только в том, что большинство иранцев проголосовало за Роухани, но и в значительной народной поддержке его других четырех соперников. Следует отметить, что кроме одного из шести претендентов на пост президента (главного иранского переговорщика по ядерной проблеме Саида Джалили), который настаивал на продолжении сопротивления всему миру, все другие кандидаты подвергли серьезной критике внешнюю политику правительства Ахмадинежада и призывали к умеренности и взаимодействию с иностранными государствами. С другой стороны, главы арабских государств были одними из первых, кто поздравил Роухани с победой на выборах и пожелал ему успехов.

Все это можно считать проблесками надежды на изменение отношений Исламской республики с арабскими странами. Их нынешнее состояние совсем не то, что было до президентства Ахмадинежада. Он пришел к власти тогда, когда Иран спустя 16 лет политической разрядки смог наладить свои отно-

шения с соседними арабскими государствами и преодолеть негативные последствия навязанной войны с Ираком. В 2005 году, то есть к концу правления предшественника Ахмадинежада президента Хатами, отношения Ирана со всеми арабскими странами, кроме Египта, достигли наивысшего уровня. Роль Ирана возросла не только на официальном правительственном уровне, к нему стало лучше относиться и само общество арабских стран. Одним словом, арабы тогда признавали достоинства внешней политики Исламской республики.

Однако сейчас Ахмадинежад готовится передать свои обязанности новому президенту именно в тот момент, когда отношения Ирана с арабскими странами переживают острый кризис и их партнерство фактически свелось к нулю. Трезво оценивая внешнюю политику Ахмадинежада, необходимо признать, что хотя арабские страны с самого первого дня негативно восприняли его внешнеполитическую оппозицию, в два первых года его президентства благодаря некоторым популистским мерам арабское общественное мнение не было настроено против Ирана. Победа Хезболлы в тридцати трехдневной войне в 2006 году даже повысила авторитет Ирана в глазах арабской общественности. Однако события последних лет, в частности, эскалация религиозно-племенных конфликтов в регионе (особенно в Ираке), а также кризисы в Сирии и Бахрейне привели к тому, что на завершающем этапе правления Ахмадинежада отношение к Ирану ухудшилось не только у арабского политического руководства. Мы вынуждены констатировать, что образ Исламской республики померк и в глазах общественного мнения этих стран.

Конечно, некоторые неудачи правительства Ахмадинежада в деле сохранения и укрепления отношений с арабскими государствами можно списать на объективные негативные обстоятельства. Однако его некомпетентность и невзвешенная позиция привели к большим дипломатическим потерям. Вместе с тем не все региональные события, совпавшие по времени с президентством Ахмадинежада, были неблагоприятными для Ирана. Некоторые из них, в частности арабские восстания в 2011 году, могли повысить роль нашей страны. Недавние политические процессы в этих странах выдвинули на первый план лидеров, которые традиционно считались сторонниками Ирана. Однако неблагоприятная внешнеполитическая ситуация нашей страны и падение ее престижа в глазах общественного мнения арабских стран привели к тому, что после прихода к власти эти лидеры вместо того, чтобы поблагодарить Иран за его поддержку в трудные для себя дни, стараются как можно скорей отмежеваться от него. Сейчас, по прошествии трудного восьмилетнего периода больших потерь и разочарований, есть серьезные основания ожидать, что обладающий большим опытом новый президент Роухани повернет вспять иранскую дипломатию. Элита и простые граждане нашей страны выступают за изменения во внешней политике и большую умеренность. Именно это стало главным посылом президентских выборов и внешнеполитическое руководство Ирана обязано его услышать.

Не все региональные события, совпавшие по времени с президентством Ахмадинежада, были неблагоприятными для Ирана

Алексей Балиев

Каспийский альянс

Поздравляя Хасана Роухани с победой на президентских выборах в Иране, Владимир Путин подчеркнул готовность к поступательному развитию взаимовыгодного сотрудничества в самых различных областях.

Углубление отношений с Россией, скорее всего, станет одним из приоритетных направлений внешней политики нового главы исламской республики, считает генеральный директор Центра по изучению современного Ирана Раджаб Сафаров: «Роухани — прагматик, и поэтому следует ожидать заинтересованности Тегерана в активизации двусторонних связей».

Россия важна для Ирана «в качестве серьезного игрока по решению проблем Каспия, а также для быстреего входа в ШОС», — рассказал Раджаб Сафаров «Файлу-РФ». — Я общался с Роухани и знаю: он хорошо относится к России».

Слова нашего эксперта подтверждает «Голос Исламской революции», иранское радио, вещающее на зарубежье. Тегеран «останется привержен проектам взаимовыгодного сотрудничества со всеми соседними странами и продолжит его развивать».

Эти оценки и прогнозы уже находят выражение в различных проектах.

Ближайшие перспективы промышленного сотрудничества были обозначены в канун президентских выборов в Иране. Заместитель министра промышленности и торговли РФ Георгий Каламанов и представители экономических ведомств исламской республики договорились развивать кооперационные связи в машиностроении, причем — с выводом совместной продукции на рынки соседних стран. Общий экономический эффект от этих проектов, по экспертным оценкам, может превысить 10 миллиардов долларов в год, половина суммы — выигрыш нашей стороны.

Иран, по словам Каламанова, выразил заинтересованность в увеличении импорта из России горнодобывающего и металлургического оборудования, а также в создании у себя совместного производства электротехнической продукции. Есть обоюдное желание открыть совместные научно-исследовательские центры на базе Исфаханского металлургического комбината — крупнейшего в стране, построенного с помощью СССР в 1970-х годах.

Для доработки проектов создается двусторонняя рабочая группа.

Речь идет, в первую очередь, о совместном производстве сельхозтехники, общественного транспорта и газодизельных двигателей (включая комплек-

тующие и запчасти). В кооперацию будет вовлечено как минимум 20 российских предприятий, что позволит создать не меньше 25 тысяч рабочих мест. Стоит отметить, что до 60% стоимости иранского импорта из нашей страны приходится именно на высокотехнологичную продукцию, а по мере реализации новых проектов эта доля, по имеющимся оценкам, вырастет до 70 процентов. Спрос на сельхозмашины и транспорт быстро растет в соседних государствах Содружества, Пакистане, Ираке. Рынок для российско-иранской машиностроительной продукции весьма обширен, говорят эксперты.

Это не благие пожелания. Опыт совместной деятельности и взаимной торговли свидетельствует: спрос есть. По информации Сергея Васильева, специалиста по внешнеэкономической политике, «иранская сторона наиболее заинтересована в продукции российского машиностроения, в частности — в тяжелых грузовиках. В стране уже существует сборочный цех КамАЗа, успешно работающий и на внешний рынок». Руководитель Российско-иранского делового совета Роман Попов отмечает: стороны все больше концентрируются на высокотехнологичных отраслях и, соответственно, на подготовке взаимовыгодных проектов в этой сфере. Что же касается торговых отношений, то, «по большому счету, иранцам нужны дороги и заводы, машины и станки».

В Тегеране вовсе не случайно выбрали Россию в качестве основного партнера в совместных машиностроительных проектах. Иранская сторона обоснованно считает, что наша продукция «проверена временем», при этом неизменно отличается высоким качеством и приемлемыми ценами. При российском научном и технологическом содействии планируется строительство судоходного канала Каспий-Персидский залив. Проект выгоден и нам, причем не только как потребитель соответствующего оборудования, но еще и потому, что почти вдвое сократится путь из европейской части, с Урала в бассейн Индийского океана (в сравнении с традиционным маршрутом через Босфор-Дарданеллы-Суэц). Только на перевозках грузов Россия, по предварительным оценкам, сможет экономить минимум 100 миллионов долларов в год.

Антон Евстратов

Иран — важнейший фактор будущего Афганистана

В свете ярких событий на Ближнем Востоке — падения целого ряда политических режимов в период «Арабской весны», противостояния в Сирии, а в последнее время — турецких протестов и иранских президентских выборов, из поля зрения значительной части мирового сообщества выпала, пожалуй, наиболее болезненная рана исламского мира — Афганистан. Между тем, страна неумолимо движется к поворотной точке своей истории — 2014 году, когда с ее территории будут выведены находящиеся там уже на протяжении 11 лет войска США и их союзников. Будущее Афганистана в любом случае затронет не только эту страну, но и коснется всех ее соседей, а косвенно — даже Россию и Европу.

Вывод войск НАТО — опасность для региона

Вопрос вывода войск из Афганистана весьма актуален как для «хозяев» этих самых войск — США, Великобритании, Франции, Италии и т. д., так и для государств Центральной Азии, куда предположительно и будет выведена значительная часть вооружений блока НАТО, находящихся сейчас в Афганистане. Речь идет о нефтяных и водных цистернах, бульдозерах, инженерных грейдерах, трейлерах для перевозки военного снаряжения, бронемашинах, средствах пожаротушения, связи и медицинского обслуживания и даже разборных тренажерных залах для солдат и офицеров. США ведут активные переговоры с руководством Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана и уже известно, что, скорее всего, часть вооружений будет храниться данными государствами (так называемое «ответственное хранение»), а другая часть будет передана им во владение безвозмездно. Таким образом, Вашингтон, по-видимому, намеревается «расплатиться» с центральноазиатскими режимами за неоценимые «услуги» натуральным способом, так как для США наступили тяжелые времена, или, иначе говоря, сейчас попросту нет денег.

Между тем, имеется еще и транзитный путь через территорию Пакистана, который является значительно менее затратным чем центральноазиатский. Однако для США важно иметь военную технику в государствах Центральной Азии сразу по нескольким причинам. Во-первых, не будучи

уверенным в «замирении» Афганистана после своего ухода руководство стран антиталибовской коалиции хочет сохранить возможность повторного ввода войск — в случае крайней необходимости. Для этого вооружение необходимо хранить в условиях хотя бы относительной политической стабильности и безопасности, которой современный Пакистан, к сожалению, похвастаться не может. Кроме того, после серии атак американской авиации (прежде всего беспилотников) на пакистанскую территорию, а также операции по уничтожению Усамы бен Ладана, Исламабад перестал быть столь верным союзником НАТО, каким он являлся ранее. Центральная Азия в этом смысле для западных стратегов однозначно предпочтительнее.

Во-вторых, передача вооружений центральноазиатским режимам всерьез усилит присутствие и влияние американцев в регионе, потеснив Россию, которая в рамках ОДКБ на настоящий момент является однозначным монополистом на региональном рынке вооружений. В-третьих, размещение вооружений в Центральной Азии станет еще одним козырем США в противостоянии с Ираном. В целом понимая, видимо, что результаты выборов 2013 года вряд ли принципиально повлияют на внешнюю политику Исламской Республики и не заставят ее поступиться своими ценностями и стремлениями (такими, как ядерная программа и противостояние израильскому режиму), американская элита может таким образом подстраховаться.

Иран — друг или враг: непростой выбор

Важно отметить также, что в ряде государств Центральной Азии имеет место весьма значительное иранское влияние. Особенно это касается Таджикистана, где Тегеран финансировал ряд крупных инфраструктурных проектов (таких, как Сангтудинская ГЭС-2). В период президентства Ахмадинежада отношения между ИРИ и РТ настолько улучшились, что их, несмотря на некоторые сохранившиеся противоречия, некоторые эксперты сравнивают с «братством» Турции и Азербайджана — в рамках персидской идентичности. Неплохие отношения у Тегерана складываются и с Бишкеком. Нетрудно догадаться, что Иран не уступит просто так своего влияния в Центральной Азии. Соединенным Штатам придется, либо «не замечать» присутствия Исламской Республики, либо искать пути, чтобы каким-то образом договориться. Первое — фактически, невозможно. Второе требует радикального пересмотра позиций США по отношению к Ирану.

Последнее можно назвать для Вашингтона проблемой. Надо сказать, что полностью уходить из Афганистана США все же не собираются, оставив в ключевых регионах страны свои базы. Впрочем, вряд ли у кого-то еще есть сомнения, что целью Вашингтона и в меньшей степени его европейских союзников является не столько стабильность, прогресс и устойчивое развитие Афганистана как таковые, а скорее его геополитическое положение и, в более отдаленной перспективе, ресурсы. Все «старания» США по «замирению» страны имеют абсолютно прагматический смысл. Американское присутствие в стране — залог влияния в Центральной Азии. Все это в конечном счете, как считают вашингтонские стратеги, «должно» привести к падению Исламской Республики Иран и серьезному ослаблению внешнеполитического положения России, рассматривающей Центральную

Азию как традиционную сферу своего влияния. Подтверждением данных тезисов служит недавно начатое строительство военной базы «уходящих» американцев в местечке Чахланг в провинции Фарах. База будет находиться всего лишь в трех километрах от границы ИРИ.

Режим Карзая — слабый союзник США

Вместе с тем, несмотря на заявленные цели позиции Соединенных Штатов даже в самом Афганистане исключительно слабы. Как уже было сказано выше, даже подконтрольный им режим Карзая имеет серьезные шансы пасть после ухода из страны коалиционных войск. Когда-то едва ли не полностью разгромленное движение «Талибан» полностью восстановило и даже приумножило свою военную силу и политическое влияние. Талибы не только контролируют значительную часть территории Афганистана, но и проникают в государственный аппарат, администрацию и армию правительства Хамида Карзая. Известны факты связей солдат и офицеров афганской армии с боевиками «Талибан», которым те продают оружие, сообщают о планах своего командования. Более того, в Дохе, столице Катара, полностью подконтрольного США арабского государства, открылся офис движения «Талибан».

Уничтожение производства наркотиков — залог победы НАТО над талибами

Между тем, как заявляют должностные лица администрации Карзая, «разобраться» с движением «Талибан» и другими экстремистами страны США способны. Основной путь для этого — уничтожение производства наркотиков и наркоторговли. В отсутствии финансирования любое оппозиционное правящему режиму движение сойдет на нет. Если «Аль-Каида» поддерживается финансовыми отчислениями из монархий Персидского залива, то «Талибан» по большей части существует именно на средства от продажи наркотиков. А этот бизнес после вторжения в страну войск США пережил беспрецедентный подъем. Площадь посевов опийных культур на территории Афганистана за время оккупации страны выросла в 100 раз. Рост производства опио-сырца составил 1400%. Вся страна, практически без исключения, вовлечена в производство и реализацию наркотиков на внешних рынках. Это напрямую отражается на интересах близлежащих государств Центральной Азии, Ирана и России. Тот же Иран тратит на борьбу с наркотрафиком и наркоторговлей ежегодно более 2 миллиардов долларов и является абсолютным рекордсменом по количеству изъятого опиума и морфина. «Обязана» такими показателями ИРИ своему восточному соседу.

Неспособность войск НАТО уничтожить посевы опиума в Афганистане часто объясняются не только элементарной неподконтрольностью войскам Альянса значительной части территории государства, но и тем, что наркотики — основной источник дохода страны. При этом ничего, что могло бы исправить положение, не делается. Есть сведения реального участия американских войск и представителей администрации в наркобизнесе, однако они, естественно, не подтверждаются официально.

Иранское участие — важнейший фактор восстановления Афганистана

Сделать для исправления положения придется много — восстановить инфраструктуру жизнеобеспечения, создать условия для развития промышленности и сельского хозяйства, повысить жизненный уровень населения. Необходима полная электрификация страны, создание новой ирригационной системы, включение Афганистана в мировую транспортно-логистическую систему, создание фактически с нуля системы образования. Одновременно должны уничтожаться посевы опиума, с одной стороны, и пресекаться схемы отмывания денег, полученных от его реализации — с другой.

На сегодня едва ли не единственной страной, которая делает некоторые попытки изменить ситуацию в Афганистане, также является Иран. Исламской Республике на данный момент принадлежит ключевая роль в обеспечении своего восточного соседа продовольствием, энергоресурсами и другими товарами. 15% поставляемой в Афганистан нефти также идет из Ирана. Годовой товарооборот между двумя странами составляет 2 миллиарда долларов. Как видно, без участия ИРИ невозможно и экономическое возрождение Афганистан.

США «выбирает» талибов?

Что делают США и их союзники для уменьшения влияния «Талибан» и борьбы с движением? На данный момент США предпочитает договариваться со своими когда-то непримиримыми соперниками. Консультации между «Талибан» и представителями американской администрации начались еще в 2011 году, хотя и не привели к серьезным результатам. Однако буквально на днях Вашингтон пошел на беспрецедентные уступки — он исключил из требований, предъявляемых талибам, обязательный отказ от сотрудничества с «Аль-Каидой». Делегация США, возглавляемая спецпредставителем президента по Афганистану и Пакистану Джеймсом Доббинсом, посчитала достаточным заверение представителя «Талибан» в Катаре муллы Мухаммада Наима о том, что впредь с афганской земли не будет исходить угроза ни для одного государства мира.

Вместе с тем, планы США не могут устраивать «законного» президента Афганистана и их верного союзника Хамида Карзая, который уже заявил о прекращении переговоров с Вашингтоном. Весьма вероятно, что ставка Соединенных Штатов будет сделана не на показавшего свою недееспособность президента, а именно на талибов. Вам кажется это удивительным? Учитывая «опыт» США в Сирии, где они открыто поддерживают оппозицию, в авангарде которой стоят боевики иракского филиала «Аль-Каиды», «Джаббат аль-Нусра», — нисколько! Американская политика на Ближнем Востоке — гимн прагматике и беспринципности.

Практически очевидно, что после ухода из Афганистана войск НАТО, гражданская война разгорится вновь. Карзаевская администрация, будучи весьма слабой, все же вряд ли отдаст руководство мирным путем. Между тем, в стране имеются и другие силы, которые были бы не в восторге от реставрации режима «Талибана». К примеру, поддерживаемые Ираном

шииты-хазарейцы и влиятельная сила — таджикское меньшинство. Дело в том, что традиционно суннитский, радикальный режим талибов, скорее всего, создаст проблемы афганским шиитам и этническим таджикам, как это уже было до 2001 года. Вряд ли покажется странным тот факт, что шииты и этнические таджики тоже вознамерятся защищать свою идентичность с оружием в руках, а, учитывая возможность помощи им со стороны Ирана, их перспективы в данном деле выглядят вполне солидно.

Иран и США: смежные интересы и противостояние

Однако прямое участие Ирана в военных операциях против талибов и афганских салафитов представляется невероятным. Тегеран на протяжении последних нескольких десятков лет выработал механизм более «мягкого» проникновения в страну и влияние на ее политические процессы — опора на шиитское население и этнических таджиков, а также возвращающихся из ИРИ афганских беженцев, развитие персоязычной образовательной и культурной сферы.

В глобальной перспективе Тегерану гражданская война в Афганистане крайне не выгодна. Страна и так приняла на своей территории более 6 миллионов афганских беженцев, которые нередко служат серьезным фактором напряженности на восточных границах. Совершенно невыгоден Исламской Республике и афганский наркотрафик, возросший в постталибовский период в десятки раз. (Одного только героина в стране стали производить в 40 раз больше).

И здесь интересы (пока декларируемые) Соединенных Штатов и ИРИ совпадают. Создается парадоксальная ситуация, с одной стороны, учитывая влияния Ирана в Афганистане и его заинтересованность в мирном урегулировании ситуации в стране, США необходимо добиваться содействия Тегерана. С другой стороны, размещение военной техники и инфраструктуры США после вывода войск из Афганистана в Центральной Азии реально угрожает интересам Исламской Республики.

Примечательно, что возможность «договориться» между странами, находящимися в далеко не лучших отношениях, однако, появилась. Речь идет о новом президенте Ирана Хасане Рухани, заменившем одиозного и имеющего на Западе образ однозначно «плохого парня» Махмуда Ахмадинежада. Еще в своих предвыборных речах Рухани заявлял о необходимости прямых переговоров с Вашингтоном. При этом он отмечал незыблемость национальных интересов и необходимость их отстаивания на международной арене. Помимо ситуации в Сирии, ядерной программы и международных санкций, афганское урегулирование однозначно входит в список таких интересов ИРИ.

Афганистан «интересует» Иран по широкому кругу вопросов — это и развитие транспортных путей в Таджикистан и Китай и перспектива приобретения нового союзника перед лицом американской угрозы, обеспечение безопасности границ, пресечение наркотрафика и потока беженцев. Кроме того, Афганистан в перспективе может являться одной из самых «ценных» в мире стран по наличию полезных ископаемых, а Иран — едва ли не единственное государство региона, владеющее технологиями их добычи.

Кого поддержать в Афганистане после ухода войск НАТО, а также, каким образом наладить взаимодействие с новой властью (новой она будет, так или иначе, потому что президентский срок Хамида Карзая скоро заканчивается, а дальнейшее его переизбрание запрещено конституцией страны), во многом будет зависеть от позиции и дипломатического искусства нового иранского президента.

Учитывая его дипломатический опыт и достижения на этом поприще (например, успешные переговоры по ядерной программе в 2003-м), огромную поддержку народа страны, а также изменившиеся к лучшему для Ирана условия (экономический кризис в США, новые победы правительственных войск в Сирии, обозначившееся противостояние Вашингтона с его арабскими союзниками, вывод американских войск из Афганистана), перспективы Исламской Республики в непростом деле афганского урегулирования можно назвать, по крайней мере, реальными. Важно добиться ответных шагов «с другой стороны», понимание государствами Запада того факта, что Иран превратился в ведущую региональную державу, которая проводит самостоятельную политику и имеет собственные интересы, которыми она не намерена поступаться. Сегодня становится все более очевидно, что Исламская Республика может реально повлиять на ситуацию в Ираке, Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Центральной Азии, на Большом Кавказе и на ситуацию в самой России. Единственное условие диалога и достижения конструктивного взаимодействия между ИРИ и любым другим, отнюдь не только западным, государством — взаимное уважение, учет интересов и равноправие. Только в этом случае возможно, к примеру, «светлое будущее» как для Афганистана, так и для всей Центральной Азии.

Динара Джалилова

США наказали Турцию беспорядками за дружбу с Ираном

На фоне продолжающихся беспорядков в Турецкой столице Американский Центр стратегических и Международных Исследований выпустил доклад о соперничестве Ирана и США в Турции. В своей работе эксперты Энтони Х. Кордесман, Брайан Голд, Роберт Шелала и Майкл Гиббс приводят свидетельства того, что в годы правления Эрдогана Турция стала больше отдаляться от США и сближаться с его соперником Ираном, сводя на нет все старания Западной коалиции по сдерживанию Исламской республики. По мнению аналитиков, Турция перестала быть продолжением Америки на Ближнем Востоке и стала самостоятельным и влиятельным игроком. Не связывая напрямую народные волнения в Турции со внешними силами, доклад позволяет понять, кому и чем могла не понравиться политика Эрдогана.

Турция променяла Запад на Ближний Восток

Турция является страной главного транзита энергоносителей в Европу и союзником США на Ближнем Востоке. Именно в Турцию Барак Обама совершил свой первый иностранный визит.

Стратегическое положение этой страны и ее членство в НАТО делает Анкару важным партнером Америки в противостоянии Ирану. Пока интересы Турции в большинстве своем совпадают с американскими интересами. Но год от года Турция все больше дистанцируется от своих западных партнеров и смещает фокус своей внешней политики на Ближний Восток.

Сотрудничество по НАТО и в энергетике

В некоторых вопросах интересы США и Турции по-прежнему совпадают.

Европа и США заинтересованы в том, чтобы проложить через турецкую территорию как можно больше маршрутов поставки нефти и газа, чтобы сломать российскую монополию. В этом Турция является их верным союзником. Потому что так она получает энергоносители для своей быстро растущей экономики.

Кроме того, Турция сотрудничает с США в военной сфере. Она вошла в НАТО в 1952 году и с тех пор поддерживает «миссии Альянса». Турецкая

армия является второй по величине армией НАТО после американской, она насчитывает 500 тыс. военнослужащих. В Измире расположена натовская авиабаза, а в Стамбуле Корпус быстрого реагирования. Турция принимает участие в миссии ISAF в Афганистане, где служат 1700 ее военных.

Также в 2011 году Турция разместила на своей территории американские баллистические ракеты, которые призваны сдерживать угрозу Ирана. Многие эксперты считают этот шаг крупнейшим стратегическим соглашением между Вашингтоном и Анкарой за последние 20 лет.

В период Холодной войны Турция служила буфером против советского влияния на Ближнем Востоке, США безвозмездно передали ей гранты на оборону в размере 7.7 млрд долл., из них с 1982 по 1992 США выделили Турции 3 млрд, после развала Советского Союза американские расходы на Турцию резко сократились. За последние 20 лет она получила от Америки всего 472 миллиона долларов.

Излишняя самостоятельность в военной сфере

В ответ на это, наряду с закупкой американских вооружений, Турция стала искать альтернативных поставщиков, таких как Германия, Италия, Великобритания, Россия, Китай и Южная Корея, а так же начала развивать собственный ВПК.

Она перестала закупать американские самолеты с системой распознавания «свой-чужой», которые определяли израильские цели как «свои» и делали атаку их невозможной. А разработала свою аналогичную систему, где Турция могла сама задавать, какие цели ей «свои», а какие «чужие». Турецкая система «Свой-чужой» поступила на вооружение армии в этом году. Кроме того уже концу 2011 года больше половины вооружений турецкой армии было изготовлено отечественными производителями.

Чтобы получить передовые зарубежные технологии, Турция создает совместные предприятия по производству вооружений с иностранными компаниями. Законодательство США запрещает американским фирмам участвовать в таких сделках, чтобы не допустить утечки технологий.

Что касается размещения в Турции американских ракет, то на это Эрдоган пошел только на двух условиях.

Первое: союзники по НАТО обязуются не передавать никакие данные о Турции Израилю.

И второе: никакая конкретная страна не будет объявлена целью этих ракет. Второе условие было выдвинуто, чтобы избежать сложностей в отношениях с Ираном, с которым Турция начала активно сближаться.

Другими разногласиями с НАТО, которые стоит отметить, был отказ Турции поддержать военное вторжение в Ирак, ее нежелание присоединиться к европейским и американским санкциям против Ирана и требование от

Чтобы получить передовые зарубежные технологии, Турция создает совместные предприятия по производству вооружений с иностранными компаниями

Америки оказать большую помощь повстанцам Сирии. На что не готовы пойти США из-за опасения, что к власти в Сирии вместо светской прозападной коалиции могут прийти «радикальные исламисты».

Экономическое сближение с Ираном вопреки санкциям

Кроме разногласий со странами Запада в военной сфере, Турция перестала безоговорочно выполнять все их желания в сфере экономической. И главное, что злит США и ЕС, это экономическое сближение Турции с Ираном.

Для начала стоит отметить, что построив у себя транзитную инфраструктуру, Турция получила легкий доступ к энергоносителям, что подтолкнуло ее экономический рост. За последние 10 лет турецкий ВВП вырос в вдвое. Став экономически сильной державой, Турция стала отворачиваться от Запада в сторону Ирана.

Турция была первой страной, которая признала Исламскую Республику и начала развивать с ней сотрудничество

Турция была первой страной, которая признала Исламскую Республику и начала развивать с ней сотрудничество. Она закупала нефть и газ на миллиарды долларов и инвестировала в иранский энергетический сектор. Сначала главной движущей силой сближения Турции с Ираном было бизнес сообщество. Турецкие производители видели в Иране новый рынок сбыта для своих товаров, а Иран видел в сотрудничестве с Турцией способ обойти санкции.

Эрдоган продолжил курс на сближение, которое стало не только экономическим, но и политическим. Он принял стратегию «ноль проблем с соседями» и увеличил торговлю с Ираном, а так же начал экономически развивать юго-восточные районы Турции, чтобы снизить там популярность Курдской Рабочей Партии.

Кроме того Турция стала местом отдыха иранских туристов. Если в 2008 году там отдыхали всего 1 млн иранцев, то в 2011 из было уже 2.7 млн. Число иранских фирм, работающих в Турции, выросло с 319 в 2010 году, до 1470 в 2012. Многие из этих фирм помогают Ирану обойти западные санкции. Кроме того Турция «незаконно» поставляет в Иран станки и оборудование, поставки которых в Иран запрещены. Чтобы обойти санкции Турция оплачивает иранский газ лирами, которые бесполезны на мировом рынке, но за них Иран покупает в Турции золото, которое затем перепродается в Эмираты.

В ответ на это в начале сего года США запретили продажу драгметаллов в Иран. А в конце 2012 запретили Турции увеличить импорт иранского газа, который был необходим ей для внутреннего потребления.

В ответ на выпады Западной коалиции министр экономики Турции Зафер Чаглаян заявил: «Американские санкции — это личное дело США. У нас есть международные договоры, которые накладывают на нас определенные обязательства. А односторонние решения ЕС и США не могут нас ни к чему обязать».

Поддержка ядерной программы

Кроме того, Турция продолжает поддерживать ядерную программу Ирана. По мнению экспертов из Центра Стратегических и Международных Исследований, это делается по трем причинам.

Во-первых, она надеется, что если Иран получит ядерное оружие, то его распространение на Ближнем Востоке уже трудно будет остановить. И Анкара сможет начать свою ядерную программу.

Во-вторых, Турция опасается, что если Иран будет вынужден остановить свою ядерную программу, то в будущем и Турция не сможет развивать ядерную энергетику, и будет зависима от внешних источников топлива.

Сейчас в Турции действует план доведения доли ядерной энергетики до 10% к 2023 году. В 2010 году Турция договорилась с российским концерном «Атомстройэкспорт» о строительстве АЭС в Аккую на средиземноморском побережье. Возведение объекта должно начаться в этом году.

В-третьих, Турция успешно сотрудничает с Ираном в борьбе с Курдской рабочей партией на юго-востоке страны и не хочет терять его как союзника.

Турция превратилась в регионального лидера

По мнению экспертов, победа на выборах Партии Справедливости и Развития, назначение на должность министра иностранных дел Ахмета Давутоглу и принятие стратегии «ноль проблем с соседями» должны вызвать обеспокоенность США, поскольку они не просто сделали Ближний Восток приоритетом турецкой политики, но утвердили Турцию как регионального лидера и самостоятельного игрока. А все попытки США организовать «борьбу Ирана и Турции за лидерство в мусульманском мире» были умело нейтрализованы Эрдоганом, который видел в Иране не соперника, а партнера.

Разногласия по Сирии не подрывают партнерства

Единственным пунктом разногласий Турции с Исламской Республикой остается Сирия.

До гражданской войны, Турция сотрудничала с Башаром Асадом в рамках своей стратегии «ноль проблем с соседями». Ахмет Давутоглу посещал Дамаск более 60 раз, обсуждалось создание зоны свободной торговли и введение безвизового режима.

Когда началось противостояние с оппозицией, Эрдоган хотел выступить посредником в надежде, что Асад пойдет на реформы. Но он не желал делать уступки, и тогда Эрдоган под влиянием партнеров по НАТО занял сторону оппозиции.

Иран же занял сторону Асада, поскольку Сирия была его неизменным союзником с 1979 года. Она помогала ему вооружать Хизбаллу, которая могла бы оказать помощь Ирану в случае атаки Израиля.

Разногласия по сирийскому вопросу сильно накалили отношения Тегерана и Анкары, но пока их вражда не заходит дальше резких заявлений полити-

ков и не подрывает их сотрудничества в экономической сфере и по ядерной программе Ирана.

Трения по Сирии как национальный и религиозный конфликт

Примечательно, что авторы доклада объясняют турецко-иранские противоречия по Сирии не политическими разногласиями, а как «суннитско-шиитский конфликт» и как «историческое противостояние персов и турок». При этом умышленно игнорируется тот факт, что шиизм и суннизм — это одна религия — ислам, а перед началом «исторического противостояния» персы и турки мирно жили в одном государстве безо всяких конфликтов на религиозной почве.

Вероятно, это происходит потому, что война в Сирии однажды закончится, и вместе с ней могут закончиться трения между Тегераном и Анкарой. А сирийское правительство, которое окажется у власти после войны, может договориться с обоими своими соседями, что еще больше склеит связи ближневосточных стран. А вот шииты и сунниты, персы и турки никуда не денутся, и, разжигая противоречия между ними, западные державы могут до бесконечности препятствовать созданию единого и стабильного Ближнего Востока.

Иранская карта России

Суть достигнутого Путиным и российской дипломатией успеха в Сирии заключается отнюдь не в том, что Башара «не сдали». Трудно назвать успехом отказ от сдачи союзника и собственных интересов. Дело в другом — впервые на Ближневосточном направлении у России появилась ПОЗИЦИЯ, которую она готова отстаивать всей мощью своего внешнеполитического потенциала, идя при этом на конфликт с интересами «заклятых друзей» из Большой восьмерки. Но в преддверии запланированной на первое июля нынешнего года встречи Путина и Ахмадинежада возникает другой вопрос — будет ли Россия проводить столь же самостоятельную политику в отношении Исламской Республики Иран? Или же вопросы о Сирии и евроПРО останутся единственными, в которых Путин и Лавров сохраняют имидж «мистеров НЕТ»?

С 2001 года политика России на Ближнем Востоке формировалась исключительно как реакция на политику США. Россия вроде бы и не одобряла политику экспансии под флагом «демократизации и борьбы с терроризмом», которую Вашингтон проводил в регионе, круша всю систему сдержек и противовесов. Но с другой стороны — и не препятствовала даже на уровне дипломатических заявлений.

Подобное поведение именовалось «гибкостью и прагматизмом». Отчасти это было справедливо, потому как, давайте начистоту, каким образом Россия могла помешать вторжению в Ирак и Афганистан? Во имя каких таких особых отношений с тем же Хуссейном, по большому счету — креатурой Запада, Москве стоило идти на обострение отношений с Вашингтоном и остальной антииракской коалицией?

Но примерно с 2009 года на Востоке началась цепная реакция на затеянное США и реализованное в период президентства Буша-младшего «перереформатирование». Политика Вашингтона утратила целостность, превратилась в хаотичное реагирование на возникающие проблемы. Кроме того, эти метания накладывались на инерцию мышления и догматику «холодной войны», когда «хорошие парни» (пусть и сукины дети, но наши) боролись с плохими парнями, назначенными на эту роль не в результате анализа, а потому что «всегда так было». Монархии Персидского Залива начали сокрушающую борьбу за демократию (!) в Ливии и Сирии. Пресловутая «аль-Каида» внезапно и вдруг через свой сирийский филиал попросила у США и ЕС вооружений для борьбы с Асадом, в то время, когда ливийский филиал участвовал в линчевании американских дипломатов...

Порою возникает ощущение, что политика Запада в регионе утратила адекватность, что Запад не видит очевидного. Убеждая мир в том, что его политика единственно верная, масс-медиа обходят стыдливый молчанием последствия «миротворчества и демократизации» в Йемене, Сомали, в той же Ливии.

Утратив возможность сколько-нибудь влиять на «турбулентность» региона, Вашингтон обнаружил еще более неприятную вещь. Союзники со времен холодной войны, те самые «хорошие парни», как оказалось, никакой особой благодарности к США не испытывают, решают исключительно собственные задачи, причем пытаются достичь этих решений за счет Америки. Не в силах справиться с собственными внутренними проблемами, заливая острейшие социальные противоречия потоком нефтедолларов, монархии Персидского залива (Катар и Королевство саудитов) открыто разжигают нестабильность в «шиитском полумесяце», финансируют салафитскую агрессию во внешний мир и грезят об уничтожении Ирана, по факту — регионального форпоста борьбы с салафитской агрессией.

Израиль, вокруг которого все теснее сплетаются метастазы сирийского конфликта, вблизи которого вот-вот полыхнет Ливан и Иордания, а ХАМАС перейдет на содержание Катара, в этот критический для своего существования момент требует... «немедленного бомбоштурмового удара по Ирану». Нет, Вашингтон, конечно, стремится урезонить срывающихся с поводка союзников. Но делает это столь деликатно и двусмысленно, что они либо откровенно игнорируют призывы к сдержанности, либо воспринимают их как поддержку своих устремлений.

В российской экспертной среде порою доводится слышать о том, что повестка диалога с США исчерпана. Возможно, в этом есть некое преувеличение. Проблема заключается в том, что этот диалог утратил конструктивность, потому как американская сторона предлагает вести его об «альтернативной реальности», полностью не совпадающей с той, в которой существует остальной мир.

Иранские качели

Нет, справедливости ради нужно заметить, что часть российской политической элиты, ориентированная на Запад и «либеральные» ценности, искренне и старательно пыталась научиться видеть эту самую «альтернативную реальность». Наиболее ярким примером этих стараний была политика России в отношении Ирана.

«Баланс и прагматизм» этой политики носил, поистине, феерический характер. Москва откровенно играла «иранскую карту», торгуя своей позицией. Вопрос был лишь в том, что навыки торговли у партнеров России были на порядок выше, а потому всякий раз «внешнеполитическая коммерция» оборачивалась неким конфузом. В сделке по С-300, когда Россия нет, не уступила давлению — это «щадающая» версия, а поверила, что Запад и активно участвовавшие в торгах саудиты, эмир Катара и израильтяне дадут больше, откровенно опозорилась. Теперь возникла достаточно пикантная ситуация: из-за внутривнутриполитических соображений Президент не может сказать, что его предшественник был откровенным профаном в данном вопросе и отме-

нить указ 2010 года. Приходится «на коленке», в спешном порядке искать варианты, одним из которых стало предложение поставить комплекс ПРО «Антей-2500». Тот самый комплекс, который уже поставлен в Венесуэлу и закупить который в принципе не против Турция и Индия. Впрочем, С-300, достаточно яркая, но все же частность. Такая же, как хитроумные маневры Москвы в отношении каспийского шельфа, нацеленного на Иран военного и разведывательного присутствия нерегиональных держав на Кавказе и в Центральной Азии, незадекларированная деятельность антииранского лобби в России и многое другое.

Вопрос «качелей» касается двух основных вопросов — ядерная программа Ирана и односторонние санкции. Политическая ангажированность вопроса об «иранской бомбе» очевидна для всех, в том числе — и для Запада. Конечно, Медведев поступал в данном вопросе, как и в остальных, весьма инновационно. Но ведь Путин в недавнем интервью RT еще раз подтвердил, что не верит в военную составляющую иранской ядерной программы! Следовательно, необходимо признать, что односторонние санкции, введенные США и ЕС являются противоречащими международному праву. Тем более что МИД России эту односторонность санкций уже осуждал. Но вот здесь и срабатывает принцип «иранских качелей»: на словах — осуждение и неверие. По факту — присоединение к режиму санкций, например, в банковской сфере.

Это еще раз к вопросу о культе прагматизма в российской внешней политике: Китай санкционный режим в отношении Ирана откровенно игнорирует либо виртуозно обходит, получая от этого немалые экономические преференции. Россия, декларируя самостоятельность и особую позицию в данном вопросе, по сути — плетется в хвосте Вашингтона и Брюсселя, теряя шаг за шагом свои позиции в этой стране и упуская миллиарды долларов. Только за прошлый год товарооборот между Россией и Ираном сократился на 40%, учитывая, что в российско-иранском товарообороте 80% составляет российский экспорт, это означает, что Россия только за 1 год на иранском направлении потеряла полутора миллиарда долларов реальных денег. Это деньги российских компаний — именно недвусмысленная позиция правительства не дала возможность российскому малому и среднему бизнесу заработать эти деньги и сохранить свои позиции на иранском рынке. Десятки российских компании, которые были ориентированы на бизнес с Ираном, в результате обанкротились или испытывают неимоверные сложности. Их душат американские и западные санкции, а чиновники беззастенчиво разводят руками, «мол, такова позиция верхов».

На этом фронте пальма первенства принадлежит банковской системе России, именно она первой полностью прекратила любые операции с Ираном. Дело дошло до того, что американские и западные банки начали требовать от российских банков отчета по всем операциям с Ираном, по юридическим и физическим лицам, которые работают с Ираном. Абсурдным и высшим проявлением банковской импотентности стало то обстоятельство, что американские и западные банки начали требовать от российских банков закрывать счета всех компаний, где упоминается слова Иран или в связи с Ираном.

Эти и другие обстоятельства последних 4–5 лет поставили однозначный диагноз российской экономике и ее банковской системе. Те же западные

деловые круги, в первую очередь американские, с ухмылкой поднимают руку, с удовольствием показывают другим, что они одним щелчком пальцев могут закрыть любой российский банк, что они одним звонком могут заблокировать любую торгово-экономическую сделку с участием российских компаний. Пик всей этой антииранской истерии пришелся на время президентства Дмитрия Медведева.

К сожалению, в Иране практически все, и политики и дипломаты, особенно деловые круги, едины в одном — они более чем уверены, что пока Дмитрий Медведев находится на посту премьер-министра, ничего хорошего от России ждать не приходится. В их понимании, он слишком уж прозападно ангажированный руководитель и при нем, ни один из членов его кабинета министров не решится по линии своей отрасли восстановить отношения с Ираном.

Например, расширение военно-технического сотрудничества и совместные НИОКРы с Ираном могут дать приличные дополнительные средства для российского ВПК, но и в этом вопросе Россия оглядывается на Запад. Как будто он оглядывается на Россию, когда речь идет о вооружении той же Грузии или вытеснении Москвы с оружейных рынков Ирака и Индии.

Развитие торгово-экономических отношений может стать толчком (с небольшим мультипликаторным эффектом) для российского Прикаспия. Но — опять качели, опять по факту — присоединение к западным санкциям. И не надо повторять избитый тезис о некоей конкуренции России и Ирана в газовой сфере, т.к. это полный бред и придумало этот бред израильско-западное лобби, сидящее в самых высоких структурах власти, основные противники российско-иранского сближения. А на самом деле, большую опасность в этом вопросе для России сегодня представляют проекты Катара, которые в случае их реализации начнут вытеснять Москву с газового рынка Западной Европы. А вот долевое участие российских компаний в освоении иранских газовых полей — вполне перспективный экономический проект с прицелом на будущее.

Самое интересное заключается в том, что пресловутые качели приводились в движение именно Москвой. Когда же Россия начинала нормальную работу с Ираном, то всегда получала преференции по максимуму, будь то диалог по Таджикистану (пресекший приход к власти в этой стране Исламской партии возрождения), знаменитый контракт по Бушерской АЭС в 90-х, фактически, спасший атомную промышленность России, по ситуации вокруг Чечни или, как сегодня, вокруг Сирии.

Российско-иранская повестка

Впрочем, выгоды российско-иранского взаимодействия очевидны. Столь же очевидно и то обстоятельство, что «турбулентность» Ближнего Востока, противостояние транснациональной салафитской агрессии, тесное переплетение интересов делают сегодня Россию и Исламскую Республику естественными союзниками. Но здесь вновь мы сталкиваемся с неким парадоксом, которым российско-иранские отношения пропитаны насквозь. Постоянно говоря о естественном партнерстве, обе стороны, именно — обе, не особо озаботились о детализации повестки этого партнерства.

Как ни странно, но первыми обратили внимание на данное обстоятельство не МИДы, а министерства внутренних дел двух стран, подписавшие в начале нынешнего года предельно конкретный и рабочий документ. Вот именно этот документ, а не расплывчатые наброски общих соображений дипломатов, заставил Запад заговорить о вероятности российско-иранского стратегического партнерства.

Впрочем, сам термин «стратегическое партнерство» в современном мире серьезно обесценился, а уж подписание договоров о таком партнерстве вообще воспринимается как некое протокольное мероприятие, ни к чему особо не обязывающее. Другое дело, если договор наполняется конкретным содержанием, преследуя цели, которые хотят достичь обе стороны, вырабатываются этапы реализации этих целей. Сегодня, к примеру, Сирия и афганское урегулирование — прекрасный повод не только для политических деклараций, но и совместных действий России и Ирана. Так же как и борьба с наркотрафиком, терроризмом и трансграничной преступностью.

Еще более конкретными могут быть планы совместных бизнес-проектов, от геологоразведки до модернизации инфраструктуры каспийских портов, контрольные цифры прироста товарооборота и взаимных инвестиций в тех сферах экономики, которые будут признаны двумя сторонами как стратегически важные для дальнейшего сотрудничества и развития взаимоотношений. Ведь сегодня Иран предлагает России на исключительно эксклюзивной и чрезвычайно выгодной основе участвовать в реализации более 10 000 проектов. А это, в свою очередь, приведет к созданию тысячи новых рабочих мест, улучшению делового климата, это позволит российским компаниям занять свои ниши в иранской экономике на долгосрочной основе, и, наконец, это устойчивое развитие многих наших отраслей.

Отдельные темы совместной повестки — «газовый ОПЕК» и военно-техническое сотрудничество, которые сами по себе требуют углубленного и специализированного анализа. Собственно, только простое перечисление пунктов российско-иранской повестки заняло бы достаточно много места. И уже сам факт того, что вопросов в ней более чем достаточно — убедительное доказательство того, что порочную практику качелей можно и нужно срочно остановить.

Предстоящая встреча Ахмадинежада и Путина, как представляется, принесет определенные новации в двусторонние отношения. Она дает прекрасную возможность представить остальному миру сбалансированную и выверенную позицию двух стран, имеющих так много общих стратегических интересов. Понятно, что президенты не будут вдаваться в частности, выработку конкретики поручат экспертам. Примечательно, что 2 июля Ахмадинежад с этими российскими экспертами планирует встретиться, а следовательно — российскому экспертному сообществу будет предоставлен шанс остановить «иранские качели», предложив руководству двух стран новую повестку дня, которая вполне может стать реальным фундаментом действительного, а не декларативного стратегического партнерства...

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Azadi Grand Hotel

